

**Татьяна Живова
Павел Гаврилов
Алексей Матвейчев**
Метро 2033: Джульетта без имени
Серия «Метро»
Серия «Вселенная «Метро 2033»»

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=9535456*

*Метро 2033: Джульетта без имени : фантастический роман / Татьяна Живова, Алексей Матвейчев, Павел Гаврилов.: АСТ; Москва; 2015
ISBN 978-5-17-088583-1*

Аннотация

«Метро 2033» Дмитрия Глуховского – культовый фантастический роман, самая обсуждаемая российская книга последних лет. Тираж – полмиллиона, переводы на десятки языков плюс грандиозная компьютерная игра! Эта постапокалиптическая история вдохновила целую плеяду современных писателей, и теперь они вместе создают «Вселенную Метро 2033», серию книг по мотивам знаменитого романа. Герои этих новых историй наконец-то выйдут за пределы Московского метро. Их приключения на поверхности Земли, почти уничтоженной ядерной войной, превосходят все ожидания. Теперь борьба за выживание человечества будет вестись повсюду!

Северо-запад Москвы. Отрезанный от остального Метро кусок Серой ветки между Петровско-Разумовской и Алтуфьевом. Почти двадцать лет прошло с того дня, как полчища крыс уничтожили Тимирязевскую и Дмитровскую, но люди по-прежнему избегают этих печально известных мест. Даже самые отважные сталкеры, даже самые отчаянные мародеры стараются не заходить сюда. Эти места безлюдны. Но... они отнюдь не безжизненны! Они – территория воинственных, не боящихся радиации мутантов-ратманов, ревностно оберегающих свою часть Метро от людей. И горе тому человеку, кто окажется в их владениях и попадет им в лапы! И вот в эти опасные и запретные для людей земли отправляется сталкер Восток с заданием от ученых Полиса раздобыть и доставить им живого ратмана.

Содержание

Геральдический зверь постапокалипсиса	5
Глава 1	7
Глава 2	12
Глава 3	21
Глава 4	25
Глава 5	36
Глава 6	43
Глава 7	50
Конец ознакомительного фрагмента.	51

**Татьяна Живова, Алексей
Матвейчев, Павел Гаврилов
Метро 2033: Джульетта без имени**

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

© Д.А. Глуховский, 2015

© Т.В Живова, А.В. Матвейчев, П.В. Гаврилов, 2015

© ООО «Издательство АСТ», 2015

Геральдический зверь постапокалипсиса

Объяснительная записка Вячеслава Бакулина

Признаюсь, как на духу, дорогие мои: я не люблю крыс. Не люблю их активно, на каком-то глубинном, подсознательном уровне. Все эти длинные голые хвосты и торчащие желтые резцы, невыразительный (ну, не лань, прямо скажем) взгляд, скучная окраска и общее отсутствие пушистости как-то не вызывают во мне энтузиазма. И если б только это.

Крыса – одновременно популярное ругательство и символ подлого, беспринципного вора (как тут не вспомнить хрестоматийный вопль негодования какого-нибудь обитателя мест не столь отделанных: «У нас в бараке крыса!», после которого в дело, как правило, идут заточки).

Крыса – бич сельского хозяйства и вездесущий вредитель, способный испортить почти все, до чего способен добраться, – от продуктов и книг до мебели и электропроводки.

Крыса разносит опасные заболевания, выкашивающие людей похлеще всех войн и революций вместе взятых (вдумайтесь: только за один четырнадцатый век и только в Европе от чумы, основным переносчиком которой является крыса, умерло более ДВАДЦАТИ ПЯТИ МИЛЛИОНОВ человек).

Крыса – каннибал и пожиратель падали, и если б только ее. «Заживо крысы сожрали», – не только жуткая, но на редкость отталкивающая по своей сути смерть, кроме самого факта прекращения существования чреватая адскими муками.

Крыса, наконец, – символ разрухи, нищеты, голода, болезни, антисанитарии и вообще, сдается мне, всего того, чего человек в любые времена стремился избежать.

Совершенно нестранно, что именно прожорливый, вездесущий и главное жутко живучий грызун наряду со знаком радиационной угрозы, пресловутым черным «трилистником» на ядовито-желтом фоне, весьма четко ассоциируется с постапокалипсисом. Скажу больше, если бы кто-нибудь задался целью создать герб какого-нибудь героя постъядера по всем правилам геральдики, с большой долей вероятности он будет из ржавого металла с изображением ощерившейся крысы.

В нашей «Вселенной», разумеется, без крыс тоже не обошлось.

Крыса – один из важных источников пропитания для малоимущих под- и надземных обитателей мира, придуманного Дмитрием Глуховским. «Царство крыс» – таково название не только романа Анны Калинкиной, но и, если подумать, вполне логичное (хоть и безрадостное) восприятие всей Москвы 2033 года. Да что там Калинкина! Если кто-то забыл, именно нашествие крыс на Савеловскую привело к появлению на ВДНХ маленького Артёма, без которого вообще не было бы ничего. А немного наивной, но очень искренней, светлой и доброй книги, которую вы держите в руках, не было бы, если так можно выразиться, «в квадрате». Потому что... но об этом вы прочитаете сами. Я же отмечу вот что: по-прежнему не любя крыс, я прекрасно отдаю себе отчет в том, что эти антипатии и фобии – продукт в первую очередь воспитания, культурного багажа, бытующих в обществе стереотипов, наконец, и лишь в незначительной степени – эстетики. (Кстати, весьма многие люди, держащие крыс в качестве домашних питомцев, считают их чуть ли не самыми славными, прекрасными и милыми существами на свете. Возможно, они правы, а я просто всю жизнь смотрел на крыс под неверным углом.) А что до прочего, то крыса, несомненно, способна принести немалый вред. Но лишь *способна*, да и то – при определенных условиях. Так же, как и все

мы с вами. А между «способен» и «должен» примерно такая же разница, как... между человеком и крысой.

Глава 1

Восток

«Лето. Люблю я это время года, когда поверхность, словно забывшись на время, перестает быть злобной старой ведьмой и снисходит до того, чтобы побаловать своих загнанных под землю неразумных деток небольшой долей тепла и ласки.

Вот уже и ушел без следа зимний мороз, от которого дубеет и становится жестким и гремучим материал защитного костюма. На морозе запотевают стекла противогаза, на металле оружия даже сквозь несколько пар защитных перчаток стынут руки. Да и снег... лед... Сколько из нас вовремя не услышало приближающихся шагов тварей по мягкому снегу. Сколько нашего брата-сталкера не вернулось на родные станции, не вовремя поскользнувшись при встрече с вечноголодными представителями местной фауны. А сколько еще не вернется?..

Не радуется сталкеров зима-старушка. Другое дело летом! Броди себе по останкам города хоть всю ночь напролет. Тепло, тихо. Слышно самый малый звук среди брошенных домов. Кляцнут ли когти по выщербленной поверхности асфальта. Хрустнет ли осколок кирпича или стекла под чьей-то ногой, обутой в тяжелый ботинок. Тоже, знаете ли, опасно – не всегда теплой и радостной бывает встреча с представителем человеческого рода на поверхности. Правда, днем жарковато бывает, не очень-то набегаетесь в противогазе по жаре. Ну так а кто же днем-то на поверхность суется? Днем там такие зверушки из своих нор вылезают на солнышке погреться, что ой-ой-ой! Им любой сталкер со всем его оружием да снаряжением – готовый и желанный обед!

Как там пелось в одной песне? Недавно исполнял захожий менестрель на Семёновской:

*Лучше нету того свету,
Но туда охоты нету.
Если только кто «с приветом»,
То – пожалуйста, вперед!..*

Вот-вот, точно. Знал автор, о чем писал! Вроде как прямо о нас. Мы, сталкеры, существа ночные. В ночи выходим на поверхность, в ночи шаримся по ней в поисках добычи, в ночи спускаемся обратно под землю. На свет нам вылезать нет ни малейшей охоты. Если только уж совсем кто отмороженный попадется. Ну да такие долго не живут.

Встречаются, конечно, время от времени романтики, которым охота поглядеть, как оно – днем на поверхности. Встречаются... Очки темные себе ладят, кто из подручных средств, а кто и покупает на богатых станциях. Знавал я одного такого. Так он специально за темными очками на Ганзу мотался. Патронов за них отвалил – три месяца можно было бы жить и за гермоворота не высовываться. Так нет же. Захотелось пацану посмотреть на мир, что над нами. Днем. Очки, правда, нечего и говорить, знатные были. С такими раньше, до катастрофы, сварщики работали в приличных стройконторах. Удобные, широкие, прямо на противогаз можно было надевать. Даже стекла темные кверху откидывались, чтобы в темноте лишний раз не снимать их.

Сколько его бывалые люди ни отговаривали, сколько ни убеждали, что глупость все это – на солнышко любоваться, а он ни в какую. Ну так и что же? Ушел пацан на поверхность, и с тех пор никто его больше не видел. Сгинул вместе со своими очками ни за пригоршню патронов.

Так о чем это я? Ах да, про то, как летом хорошо.

Ну так кто спорит, конечно, хорошо! Идешь себе, по сторонам поглядываешь. Луна светит, ветер шуришит. Благодать – да и только. Главное, о зверушках не забывать. О тех, которые теперь в домах да подвалах живут. Среди них ведь тоже ночных жителей немало. Так же, как и сталкеры, выбираются из своих нор, пока дневные «большие братья» по логовищам своим отсыпаются после трудов несправедливых...

Сейчас, правда, уже не лето – про него я так вспомнил, по контрасту с тем, что сейчас на дворе. А на дворе у нас сейчас – ноябрь, точнее, самая его середина. И, хоть в этом году осень выдалась аномально мягкая (правда, на моей памяти, и до Удара такое случалось), но все же не июль месяц. Ночи – не в пример летним – холоднее. Но и – опять же, не в пример летним – длиннее, с этим не поспоришь.

...Надо же, еще неделю назад я сидел на Семёновской, в теплой компании, в которой сталкерские байки вперемишу с древними, до Удара еще придуманными, анекдотами прекрасно шли под грибную настойку... Как раз группа «нефтяников» с Электрозаводской подошла, собиралась на припаркованном у нашего наземного вестибюля бензовозе до МКАДа ехать. Серьезные ребята, эти «нефтяники»! Не так давно нашли они этот самый бензовоз и специалиста, который с ним мог управляться, и теперь с заправок, что на МКАДе остались, бензин качают. И даже, вроде бы, собираются наладить его поставки на другие станции метрополитена.

И вот не будь той группы – так не болтался бы я сейчас по этим развалинам в окрестностях Бибирева в поисках неизвестно чего.

Я, кажется, еще не сказал, для чего меня понесло через половину метро в неисследованный район? Ну конечно, не сказал. Это все та группа с Электрозаводской. Был там один энтузиаст-исследователь доморощенный. Вот он и рассказал за «рюмкой грибного чая», что где-то на севере Москвы, по слухам, вроде как активизировались какие-то необычные твари.

Там, на Севере, вообще чего только не происходит. К примеру, вот на ВДНХ мутанты объявились, не приведи Господи во сне такого увидеть! Сплошь черные, кожа аж блестит, как начищенный сапог. Ни боли не боялись, ни радиации. Даже пуля их не сразу брала. Еще и были те твари, да так страшно, что у самых бывалых душа в пятки уходила, где и оставалась на ПМЖ. Вроде как телепатия там, или еще чего... В общем, эти твари чуть ВДНХ не захватили. Хорошо вот под Москвой батарея ракетных установок обнаружилась, с довоенного еще времени стояла. Как только и уцелела во время Удара? Вот с тех установок по тем тварям залп и дали. Спалили их вчистую вместе со всеми достижениями народного хозяйства.

Ну так и что же? Недели не прошло, как опять на Севере беспокойно стало.

Еще пару лет назад где-то на Серпуховско-Тимирязевской линии, в районе Бибирева, дальняя разведка Ганзы обнаружила каких-то непонятных мутантов. И внешне-то не разбираешь, кто такие. Не то люди, не то крысы, не то что-то среднее. И вот, как поведал мне тот парень с Электрозаводской, после обстрела «черных» эти самые «крысолюди» будто бы как-то нездорово закопошились на своей Ветке.

Говорят, раньше-то они людьми были, а потом не то эпидемия у них там началась, не то мутация какая-то бесконтрольная. Крысы заразу эту на станции притащили. Крысы почти всех на тех станциях и сожрали. И дальше бы пошли, да только на Савеловской им кирдык наступил. Савеловчане, оказывается, еще загодя огнемет собрали, да в туннеле и поставили. Он у них со времен войны с Ганзой без дела пылился. Потом кому-то пришла в голову мысль: раз уж он есть, то почему бы не поставить его в северном туннеле? Мало ли кто с окраин пожалует. В общем, когда крысы толпой с Дмитровской повалили, огнемет тот и применили. Весь запас огнесмеси тогда извели. Вонь от паленой крысиной шерсти

да от горелого мяса стояла потом на пол-линии! Одна только дрезина тогда с севера проскочить и успела. Остальных людей, само собой, списали. Да и мудрено было бы выжить среди такого количества голодных крыс! Но теперь, выходит, вроде как были выжившие.

Выжившие... Если правда то, что рассказал тот электрозаводец, то лучше бы этим выжившим было с самого начала загнуться. Выжить-то они выжили, но подхватили от крыс какую-то дрянь. Ученые мужи с Арбатско-Покровской линии говорят: «Как минимум нелетальная доминантная мутация и совершенно невероятное смешение признаков». Мудрено, в общем, говорят. А по-простому – стали не люди, не крысы, а что-то среднее. Наши яйцеголовые им уже и название придумали. Называют их по латыни *homo-rattus sapiens*, «человеко-крыс разумный» – фу ты, гадость какая!

Ну а сталкеры наши – народ простой, латыни не обученный – называют их кто «крысюками», кто «ратманами», по-всякому.

Люди с ними не общаются, да и крысюки не слишком горят желанием вступать в контакт. Ходили когда-то к ним сталкеры, пытались узнать, что да как. Но с тех пор, как от последней экспедиции наши только обглоданные кости, желающих исследовать крысюков сильно поубавилось. Чего их исследовать-то? Твари – они и есть твари. Дикие, безмозглые, только жрать и умеют. И отношение к ним у сталкеров простое. Хороший крысюк – мертвый крысюк.

Так, по крайней мере, было до последнего времени. А потом стали выясняться удивительные вещи.

Что, вроде как, вовсе и не дикие твари – эти самые крысюки. И живут они на своих станциях вполне цивилизованно. Общины там у них, родовые кланы. Даже какая-никакая система социальной иерархии имеется. Хоть и не слишком развитая – что-то среднее между первобытнообщинным и феодальным устройством общества. В шатрах живут, семьи заводят, в общем, все, как у нас. Но самое главное – крысюки по поверхности спокойно без всякой защиты ходят. Это они, наверное, от крыс такую стойкость взяли.

Власти Полиса как об этом услышали, так сразу и загорелись идеей: как бы с теми крысюками договориться. Из них же отличные сталкеры выйдут!

Только есть одна маленькая проблемка: крысюки людей, мягко говоря, недолюбливают.

Если по совести, у них есть на то причины. После крысиного нашествия перегон Савеловская – Дмитровская перекрыли, огнем тот, на всю линию теперь знаменитый, снова заправили, да еще кордонов наставили на подходах к Савеловской. Ну и, в общем, стали всех, кто от Дмитровской идет, считать зараженными.

Сколько там народу постреляли да пожгли – про то никто не знает. А потом, как начало население зараженных станций в ратманов перерождаться, так и вовсе перестали они к людям соваться. Что уж тут говорить – бросили их жители метро, на смерть обрекли. И малодушно вымарали этот факт из своей истории. Мол, не было никаких выживших на севере Серой ветки, всех крысы пожрали!

Но, как говорилось в одном старом кино (эх, увидеть бы еще хоть разок!), – человек не вошь, он ко всему привыкает.

Так и крысюки привыкли быть изгоями, выжили, приспособились... Но людей они с тех пор ненавидят лютой ненавистью.

Сами они к людям теперь ни ногой. Но и гостей из «человеческой» части метро живыми не отпускают. Могут просто грохнуть – и это еще, считай, повезло, могут и сожрать. А могут в жертву принести...

Как раз об этом и рассказывал тот сталкер с Электрозаводской. А ему, в свою очередь, поведал один парень с Алексеевской. Его за каким-то чертом занесло на территорию крысюков – аж в район Петровско-Разумовской. Те его поймали, пытали долго, а потом решили казнить. Да не просто так, а принести в жертву солнцу. Привязали на выходе со

станции к старому дереву и оставили до восхода, посмотреть, как он изжарится. Уж как ему удалось отвязаться, где он блуждал по поверхности – про то он и сам не помнил, но подобрали его полуживого, перед самым рассветом, сталкеры, возвращавшиеся на Водный Стадион. Так и стало известно про жизнь крысюков.

И вот к этим милым существам и задумали было власти Полиса снова послать человека – вроде как на разведку, а если повезет, то и договориться полюбовно.

Но, как я уже говорил, все до того имевшие место попытки людей законтачить с обитателями севера Серой ветки закончились в лучшем случае ничем. В худшем – как в той песенке про серенького же козлика и про розжки его да ножки.

Охотников поиграть с крысюками в дипломатию так и не нашлось, и «чебурашкина идея» властей Полиса затухла сама собой.

А через некоторое время активизировались ученые – уже со своей идеей-фикс. Дескать, раз уж накрылась медным тазом дипломатическая миссия – то сходите-ка вы, господа сталкеры, и добудьте нам живой экземпляр *homo-rattus sapiens* чистой науки для!

Ясное дело, что и на эту авантюру охотников тоже не нашлось, даже с учетом того, что награда за живого крысюка объявлялась просто баснословная. Шутка ли, две тысячи патронов по возвращении из экспедиции! Ну и задаток, соответственно. А желающих все равно не находилось – ибо репутация у крысюков была та еще. Ученые уже по потолку готовы были бегать от бессилия.

Почему я взялся за эту работу? Сам не знаю. Не то чтобы я был такой уж меркантильный или не в меру крутой. Да и на жизнь, в общем-то, хватало. На вылазку в измайловское депо сходишь, по окрестностям пошаришься – вот считай, на кусок крысятины, а то и свинины уже заработал. Но вот что-то скучно мне стало сидеть на Семёновской. Что ни день – все одно и то же. Те же лица, те же пейзажи, те же туннели. Даже тварей, что вокруг депо и на окраинах лесопарка... то есть, бывшего лесопарка... живут, начал уже каждую персонально в лицо (пардон – в морду!) узнавать! До того дошел, что некоторым и клички придумал! В общем, опостылела мне эта оседлая жизнь, захотелось чего-то нового. Посмотреть, как люди живут, чем дышат.

К тому же ни на Семёновской, ни где еще никто не ждет меня уже очень давно. Когда-то – давным-давно – было у меня и кому ждать, и к кому возвращаться. Но это было в прошлой жизни. Еще до катастрофы. А потом, как Москву накрыло, вся моя жизнь и сгорела в ядерном огне. Вместе с ней и имя мое сгорело. Ни к чему оно мне теперь, имя человеческое. Имя нужно для того, чтобы его могли произносить любимые губы. А раз губы эти давно радиоактивным пеплом рассыпались, то и имя, стало быть, теперь ни к чему.

Ах, ну да, я же так и не представился! Зовите меня просто – Восток...»

* * *

Вот уже четвертый час сталкер Восток бродил по мертвым кварталам в окрестностях станции метро «Бибирево». Но на этот раз его целью была не добыча. Восток искал следы пребывания на поверхности ратманов или, как их еще называли, крысюков. Говорили, что именно здесь, в Бибиреве, их разведчики чаще обычного выбирают из-под земли, чтобы разжиться очередной партией полезных вещей, которые можно было найти в уже начинающих разрушаться многоэтажках.

Сталкеру не везло. До рассвета оставалась всего какая-то пара-тройка часов, а никаких следов крысюков он пока не обнаружил. За последние дни Восток обследовал уже все уцелевшие хозяйственные магазины в округе, побывал в подвалах универмагов и продовольственных, наведаясь почти во все подъезды жилых домов и нигде не видел ни одного живого крысюка. Впрочем, и мертвых крысюков он не видел тоже.

Восток не испытывал к крысьюкам ненависти. Он вообще редко испытывал какие-либо чувства. Ненависть, так же, впрочем, как и любовь, давно перестали волновать его душу. Даже к перспективе собственной смерти он относился философски. Если бы он верил в загробную жизнь, то, наверное, был бы рад попасть на тот свет и там, за гранью жизни и смерти, вновь встретить ту, что когда-то называла его по имени.

Но Восток не верил в загробную жизнь.

И потому он уже четвертый час бесстрастно и методично обшаривал развалины и целые дома в поисках следов крысьюковского присутствия. Но результата все не было.

По всему получалось, что миссия успехом не увенчается и рано или поздно ему придется ни с чем вернуться на недалекую отсюда станцию «Медведково», где сталкеры севера и северо-востока Москвы недавно устроили дальнюю опорную базу. Однако было у Востока одно пристрастие, которое он старался удовлетворять по мере возможностей в каждой своей вылазке на поверхность. Это были не необычные яства и редкие в метро спиртные напитки – во всем этом он нуждался не более, чем это было необходимо ему для того, чтобы продолжать существовать. Это были не женщины, которых он не сторонился, но и не допускал близко к своему сердцу. И даже не богатства в виде бесчисленных россыпей патронов, которыми грезили многие сталкеры. Это были книги. Да, как это ни покажется странным, Восток любил читать.

Книги в метро почти с самого первого дня представляли особую ценность. За один экземпляр бульварного романчика, который до катастрофы пренебрежительно именовался «легким чтивом», можно было выручить не менее десятка патронов. А уж за более солидную книгу – и того больше. Хорошо пользовались спросом всевозможные справочники, в первую очередь, конечно, медицинские, а еще технические и ветеринарно-сельскохозяйственные (в особенности, по куро– и свиноводству).

Впрочем, художественная литература была в почете не везде. Когда люди заняты тем, чтобы выжить, как-то не остается времени наслаждаться высоким искусством. Только на нескольких станциях в Полисе, кое-где в Ганзе, да еще на Красной линии существовали общественные библиотеки. Большинство же населения метро считало чтение пустым бесполезным занятием, уносящим в мир грез об ушедшем мире, который уже не стоит и вспоминать.

А вот Восток читал с удовольствием. Почти в каждой из своих вылазок на поверхность он непременно заглядывал в ближайший книжный магазин, собирая с полок покрытые пылью, а порой и плесенью книги. В брошенных квартирах тоже все еще было чем поживиться. Покидавшие их в спешке жильцы и наведывавшиеся впоследствии мародеры и коллеги-сталкеры брали в основном одежду, сохранившиеся съестные припасы, электроприборы, инструменты, лекарства и другие полезные и необходимые вещи. Книжные шкафы, как правило, никого не интересовали. И потому, заходя даже в давно вскрытую и опустошенную квартиру, Восток почти всегда отягощал свой рюкзак парой-тройкой новых книжек.

Товарищи по сталкерскому ремеслу относились к такому странному увлечению с иронией, но без осуждения. В конце концов, каждый сходит с ума по-своему, чтобы не сойти с ума по-настоящему! К тому же книги, помимо эстетического удовольствия, приносили Востоку и вполне ощутимый материальный доход. После прочтения он кое-что оставлял себе, а кое-что сбывал захаживавшим торговцам. Восток не жадничал, назначая цену. Зачем, если завтра у него на руках будет новый товар? Поверхность большая, книг на ней всем хватит даже с избытком. А то, что каждый визит за очередным бестселлером прошлого может закончиться встречей у книжной полки с не очень дружелюбно настроенным клыкастым «библиофилом»... Ну что же, все мы когда-то отправимся туда, откуда нет возврата, днем раньше, днем позже. Так ли уж это важно, когда никто не ждет тебя по ЭТУ сторону?..

Глава 2

Крысы

«...охваченные странным бешенством огромные крысы вышли из подземелий, и были их тьмы несчитанные. Они хлынули в сторону Кольца, сметая на своем пути все живое. Пала Тимирязевская, за ней – Дмитровская... На Савеловской люди смогли их остановить, и крысы ушли обратно в свои норы.

Но часть серой орды направилась в другую сторону – к Петровско-Разумовской и дальше. До Алтуфьева добрались не все – большую часть крыс удалось остановить и рассеять еще в районе Отрадного, но и там, где они прошли, остались смерть, хаос, ужас...

А потом пришла болезнь. Те, кто выжил после нашествия крыс, – заразился, ибо все они были покусаны крысиными зубами. Несчастные пытались спастись, получить помощь у других станций – их всех расстреляли на кордонах, дабы не допустить распространения заразы. Те, кто избежал пули, вернулись на свои станции. Те из них, кто сумел как-то побороть болезнь и выжить, – изменились. И это уже были не люди. Это уже были скавены.

*...Мы стали похожи на тех, кто прекратил наше существование в качестве людей. На крыс. Правда, не так уж сильно конечно же, но все же... Так, кое-какие черты во внешности тех, кто перенес эпидемию тяжелее всех, и тех, кто родился уже после нее. А люди, наши прежние сородичи, сочли, что мы стали чудовищами, и отвергли нас, когда мы оказались в беде и нуждались в их помощи. За это мы и ненавидим людей. Во всяком случае, так говорят вожди общин и старейшины кланов, и *ню* *зачеркнуто* многие с ними согласны. Люди тоже нас ненавидят – потому что мы другие. Мы – нелюди, кровожадные мутанты, которых надо убивать без пощады и жалости. Во всяком случае, так кричал один пойманный в перегоне пленник, когда его притащили на станцию и мучили, прежде чем убить. Душераздирающее зрелище. Я ушла, чтобы не смотреть на это и не слышать его криков.*

...Слово «скавен» в отношении того, кем мы стали, было некогда произнесено одним юношей с Отрадного. Никто уже не помнит его имени, говорят только, что Наверху, до Удара, он был разработчиком компьютерных (знать бы еще, что это!) игр... Означало это слово «человек-крыса». Слово прижилось, разлетелось по Линии, и так мы стали скавенами. Впрочем, как оказалось, люди зовут нас крысюками, но это прозвище нам не нравится. Мы же не полностью крысы!..

Кстати, мы их едим. В смысле – крыс едим, а не людей... Хотя, что-то такое я слышала на эту тему... Кажется, в Алтуфьеве дело было, но в Алтуфьеве вообще всякие отморозки живут, которым и закон не писан, не то что у нас на Петровско-Разумовской или, тем более, в Бибиреве! Может, и правда ели, я не знаю... Кстати, интересно, а где это алтуфьевские в своих краях людей нашли? Может, добытчик (или как их еще называют люди – сталкер) какой с соседней ветки забрел?..

...На всех станциях нашей Линии – даже на неглубоких – есть массивные гермоворота. Вообще-то, они призваны защищать укрывшихся Внизу от радиации, но мы, скавены, этой радиации, кажется, нахватались за эти годы уже столько, что не замечаем ее. Так что Ворота по большей части служат нам защитой от всяких тварей, охотящихся Наверху. Ну и от людей, разумеется. У нас перед людьми, правда, есть преимущество: мы можем ходить Наверх безо всяких там защитных костюмов и масок. Однако, как и люди, мы тоже выходим по ночам и стремимся перед рассветом вернуться обратно, Вниз. Но не из-за радиации – из-за слепящего света, которого наши привыкшие к тьме подземелий глаза не выдерживают. Зато мы отлично видим в темноте, а людям приходится пользоваться фонарями!..»

(Из старого, конца 2020-х гг, дневника Крыси)

* * *

«...Возлюбленная, милая Джульетта,
Зачем сейчас твой лик так холодно-бесстрастен?
Ужели бледнокрылый демон смерти
Зачаровал тебя своею темной властью?
И вот, в чертогах вечной темноты,
В юдоли призраков, костей, червей и тлена
Недвижна, но жива томишься ты
В тенетах тяжкого дурманящего плена.
Но нет! Тебя ему не уступлю!
Не прикоснется нечисть к милой стану!
И пусть смертельных чар я не остановлю —
Я не уйду. Я здесь, с тобой останусь!
Рожденный под злосчастною звездой,
Отрину мир, как плод гнилой и перезрелый,
Здесь обрету желанный свой покой,
Стряхнув, как старый плащ, земное тело...
Последнее объятие – прими!
Последний взгляд... Глядеть – не наглядеться
На ту, что совершенна меж людьми:
Ее огню уже не разгореться...
Но ты, Костлявая, еще повремени!
Наш договор... Скреплю его я поцелуем
Недвижных уст моей возлюбленной жены.
И лишь тогда лампаду жизни мы задует.

(целует Джульетту, прощально смотрит на нее)

...Теперь пора и мне... Эй, друг Харон!
Усталый лодочник, прими мою ты лепту!
Направь на скалы свой угрюмый челн,
И грянь о камни! Чтобы в клочья! В щепы!

(достает флакон с ядом)

Один глоток откроет двери в мир теней.
Пью за любовь и нами данные обеты! *(пьет)*
...Аптекарь клялся в том, что зелья нет верней...
Он не солгал... Ты жди... Иду к тебе, Джульетта!

(умирает)...»¹

¹ Здесь и далее – У. Шекспир, «Ромео и Джульетта», авторский стихотворный перевод с английского Т. Живовой.

Крыся смахнула со щеки слезинку и невольно шмыгнула носом: персонажей пьесы было жалко до невозможности!!! Сперва – любовь, которую необходимо скрывать потому, что любящие из враждующих кланов, теперь вот – эта напасть...

– Ромео, ты дура-а-ак! – жалобно скривив губы, проговорила она. – Ну нет чтобы немного подождать! Джульетта очнется, а ты... Эх ты-ы-ы...

Скавенка снова углубилась в чтение при свете тусклого налобного фонарика. Собственно, с ее ночным зрением в нем не было особой надобности, но уж больно шрифт в книге был мелким!

...Джульетта очнулась, увидела Ромео мертвым, взяла его кинжал и зарезала себя – отчего у Крыськи горячие слезы хлынули из глаз едва ли не ручьем. Ну вот почему, почему все оборачивается так глупо, нелепо и несправедливо?!

...Полгода назад в Бибиреве несколько энтузиастов (а с точки зрения некоторых соседей – ненормальных) додумались завести у себя на станции... драмкружок! Идею их многие бибиревцы сперва не поддержали – мол, какой еще театр тут, Внизу, в такое тяжелое время, вы что, ребята, с эскалатора кувырком навернулись?! Но после пары-тройки импровизированных представлений – с чтением стихов, песнями и танцами, большая часть Бибиревской, а за ним – и Отраденской с Владыкинской (куда новоявленные артисты скатались на гастроли) общин изменила мнение на резко противоположное. Представления имели шумный успех, и Совет лет пять назад образовавшегося Содружества Скавенских (или, как больше называли его здесь, Серых) Станций (в которое вошли три названные станции) распорядился: раз выступления драмкружка так хорошо поднимают моральный дух обитателей станций – театру быть!

Отраденцы даже спонсировали начинающих театралов кое-какими костюмами и рекевизитом, принесенными их добытчиками из двух заброшенных местных театров, что располагались Наверху.

Одна беда – не было свежего репертуара. Не исполнять же за разом раз одно и то же – надоест ведь!

Вот и вышло так, что, когда прибывшая с нейтральной Содружеству Петровско-Разумовской Крыська-добытчица в очередной раз появилась в Бибиреве, ей тут же дали заказ: добыть Наверху книги со сценариями различных пьес! Дали ей список авторов, объяснили, в каких разделах книжного магазина или библиотеки все это искать, и предупредительно сопровождали ее Наверх аж через шлюз в станционных гермоворотах (обычно в таких выходах скрытная и осторожная Крыся пользовалась некими известными ей тайными лазами, но тут случай был особый).

С тех пор так и повелось среди добытчиков Содружества, что за книгами посылали именно ее.

Как и в этот раз.

Крыся без особых приключений добралась до уже давно обнаруженной (и лично облюбованной) библиотеки № 77 на улице Коненкова, довольно быстро нашла нужные полки и, пользуясь списком, отобрала несколько и тонких, и довольно увесистых книг. На все про все ушло не так уж и много времени, но...

Но тут заядлая читательница Крыся не утерпела и решила хоть одним глазком глянуть, что же такого ей поручили добыть...

И вот уже несколько часов она сидит, скорчившись в углу за стеллажами и, освещая страницы налобным фонариком, взхлеб, с наворачивающимися слезами, читает о злоключениях юной влюбленной пары из незнакомого ей города с чудным названием Верона!

Надо сказать, что история двух влюбленных ей уже была немного знакома – бибиревские театралы пару месяцев назад начали потихоньку готовить постановку этой пьесы. И пару раз Крысе удалось просочиться на репетиции и немножечко подглядеть-подслушать.

Но одно дело уловить обрывки текста и сюжета (к тому же перемешанные с разговорами кружковцев между собой), а другое – самой держать в руках полный текст трагедии и наконец-то прочитать ее от начала до конца!

Правда, поначалу ей пришлось продираться сквозь не всегда понятные ей кружева каких-то странных, но красивых слов, непривычного сплетения фраз, но вскоре девушка втянулась в чтение и перестала замечать трудности.

Но Ромео и Джульетту было жа-а-алко!

...Увлеченная перипетиями трагического сюжета, она совсем забыла об окружающем мире, о том, что сидит в заброшенной библиотеке, о том, что здесь, Наверху, полным-полно опасностей...

Поэтому скавенка даже не заметила, как в помещение скользнул луч фонаря и вслед за этим раздались чьи-то мягкие, осторожные шаги...

«...Что скажете на это вы, враги,
Чья ненависть сгубила ваши чада?
Да будет скорбный вид родных могил
За ваш раздор достойною наградой!..»

«Чума на оба ваших дома!» – неожиданно всплыло в Крыськиной памяти одно из любимых выражений Ольги Петровны, учительницы из Отрадного. Старушка так выражалась, когда была чем-то раздосадована или разозлена. Странно... как эти слова могут быть связаны с тем, что она сейчас читает?.. Надо будет спросить. Хотя... кажется, что-то подобное попадалось ей страниц эдак... несколько назад. Сейчас... А, вот!

«...Чума вас побери, червивых оба дома!..»

«Хм... – подумала скавенка, – как странно – вроде бы и об одном и том же, а по-разному... И репетиции идут по похожему – но другому тексту... Надо будет спросить у знающих, с чего бы так».

Она снова шмыгнула носом, поправила сползший на затылок капюшон безрукавки и перевернула страницу.

Посторонние мысли слегка отвлекли ее от чтения, и тут девушка заметила, что вокруг нее почему-то стало гораздо светлее, чем было. Недоумевая – неужели она засиделась настолько, что прозевала рассвет, Крыся скользнула рассеянным взглядом по сторонам.

И замерла.

Ноги... Чьи-то ноги, обутые в тяжелые, на толстенных подошвах ботинки, стояли чуть ли не прямо у нее перед носом. Скавенка недоуменно моргнула и медленно, еще не до конца вернувшись в действительность, повела взглядом вверх.

Над ботинками обнаружился защитный антирадиационный комбинезон, а над комбинезоном – хоботастая маска противогаза, фонарь и... дуло какого-то оружия, нацеленное прямо на нее, на Крысю!

Еще секунду выдернутая с веронских улочек Крыся недоумевающе смотрела на нарушившего ее уединение сталкера (а это был именно сталкер – человеческий добытчик!), а потом, пронзительно взвизгнув, метнулась из своего закутка прочь, стремясь проскользнуть в тесное пространство между стеллажом и страшной, нависшей над ней фигурой человека. Даже не вставая на ноги, как крыса – на четвереньках.

«Идиотка несчастная, читательница хренова, вот теперь выкручивайся!!!..»

* * *

«...когда грянул Удар, в метро кинулись спасаться прежде всего те, кто оказался рядом со станциями. Так и вышло, что на Петровско-Разумовской скопилось много торговцев с местного вещевого рынка – а это были, в основном, выходцы с Кавказа и Вьетнама (интересно, где это?). На Тимирязевской – опять же вьетнамцы: там стояло огромное общежитие, где их жило очень много. И все это было разбавлено теми, кто успел добежать до метро с расположенных рядом станций железных дорог, и теми, кто жил поблизости. Как утверждает Ольга Петровна (учительница из Отрадного... кстати, разные такие мудреные слова пишу с ее слов, я сама, честно говоря, плохо понимаю, что это такое) ... Так вот, как она утверждает, «процентное соотношение спасшихся в этом отрезке метро представителей разных народов было примерно равное – по одной трети русскоязычных, кавказцев и вьетнамцев, плюс-минус десятка два-три других национальностей на всю Линию». Почему я привожу этот расклад – потому что именно он послужил началом образования трех скавенских племен. Черные скавены, самые богатые и предприимчивые – это бывшие кавказцы и близкие им народы. Белые скавены – русские и те, кто хоть как-то подходил под эту категорию. Желтые скавены – бывшие вьетнамцы. Сейчас многие из петровско-разумовских желтых – рабы наиболее богатых черных скавенов. Потому что у нас так: кто сильнее – тот и повелевает, а желтые – они же такие маленькие, хрупкие, слабые... Слабее, чем представители двух других племен. Но терпеливее их в несколько раз – это бесспорно! У нас так и говорят: «богат, как черный, умен, как белый, терпелив, как желтый».

...Старожилы станций утверждают, что так было не всегда, что раньше не было деления на черных-желтых-белых, не было хозяев и рабов. Но это было раньше, до меня. Я родилась примерно через год после крысиного нашествия, а когда уже начала что-то понимать в жизни – вокруг уже было то, что я тут уже описывала. Более того, мне известно (опять же со слов старожилов из тех, кто не брезговал со мной поговорить), что раньше население станций было более разнородным. То есть, не было так, что на одной станции жили преимущественно одни черные или одни желтые... Это потом – после Эпидемии (когда мы стали скавенами) выживший и вновь расплодившийся (а скавены очень плодотворны!) народ стал кочевать по Линии, стремясь найти земляков и сородичей и жить вместе с ними... Так образовались скавенские общины и кланы. Прежде всего – общины: Петровско-Разумовская, Отрадновская (или как – Отрадененская?), Владыков *зачеркнуто* Владыкинская, Бибиревская, Алтуфьевская. Потом кланы – те, что образовались по племенному или семейному признаку. Количество кланов в каждой общине может быть разное. От двух, как у нас в Петровско-Разумовской, до пяти-шести – как в Бибиреве или Отрадном. Что касается Алтуфьева – про него мало что известно даже мне (несмотря на то, что я и там полазила – скрытно, конечно, я совсем не хочу, чтобы меня убили или замучили тамошние отморозки!). Дело в том, что туда, на самую дальнюю и неглубокую станцию Линии, некогда стали стекаться разные изгои, преступники, беглые рабы – в общем, те, кому не нашлось места на других станциях. И вот какой у них там царит уклад – я доподлинно не могу сказать. Но по моим наблюдениям – семейных кланов у них точно нет, есть крошечные кланчики-группировки по племенному или какому-то иному признаку. Каждый подчиняется только своему вождю, а вот одного вождя над всеми их кланами вроде пока нет. Могу себе представить, какая междуусобная грызня у них там порой идет, – если учесть, что из-за радиации на таких неглубоких станциях население еще менее походит на людей, чем на станциях «глубокого залегания»! Впрочем, я там давно не была –

может, что-то уже и изменилось? Надо будет и правда как-нибудь осторожненько слазить в Алтуфьево...

...Самая, пожалуй, богатая община – Петровско-Разумовская, или, как ее все больше начинают называть сами ее жители, Северный Эмират. Неудивительно – ведь под боком у станции большой вещевого Рынок, склады, несколько Торговых Центров и магазинов, где сохранилось видимо-невидимо различных хороших вещей! Я там была пару раз – сильно впечатлилась! И это если учесть, что приличную часть уцелевших после пожаров и взрывов вещей уже давным-давно растаскали! Раньше, в первые годы жизни Внизу, Рынок и другие магазины и склады (по-здешнему – Закрома) не охранялись, и оттуда могли брать вещи все кому не лень. Но потом два наших клана – Ганджабовы и Хамроевы – разрослись, прибрали Закрома к рукам, поставили охрану, и теперь туда фиг сунешься! Тут же стрелять начинают! Вот и получается, что самые богатые скавены живут на Петровско-Разумовской, а чем дальше от нее – тем жители беднее. В Бибиреве, по меркам Эмирата, – вообще нищета. Нет, конечно, тамошние добытчики тоже ходят Наверх, приносят оттуда всякие вещи, но такой роскоши, как здесь, у них нет. Несмотря на то, что в окрестностях их станции тоже есть и рынок, и магазины... Но они не такие крупные и многочисленные, как у нас, на Петровско-Разумовской. Бибиревцы живут в хибарках, сооруженных из ящиков, железных листов от разобранных вагонов и картонных коробок, или просто под навесами. Кто посостоятельнее (или поудачливее) – в туристических палатках. Самые впечатляющие дома – в Отраденской общине. Двухэтажные – представляете?! Там у них, Наверху, уцелел огромный магазинище стройматериалов – так что им есть из чего строить свои жилища. Они и на заказ домики делают и продают, но это уж совсем запредельная роскошь, которую могут позволить себе немногие.

У нас, на Петровско-Разумовской и, отчасти, во Владыкине (желтые семейные кланы Ван, Бао и Хыонг и объединенный белый Земляки) живут в каркасных четырехугольных шатрах, которые раньше были торговыми палатками. Эти домики можно поставить так, что образуется просторное многокомнатное жилье. У Ганджабовых и Хамроевых главные Дома (где живут вожди кланов с женами и детьми... кстати, жен у них по нескольку!) – шестикомнатные, у их родичей – двух- и трехкомнатные. Подозреваю, что вожди кланов были бы не прочь и расширить свои жилища, – да ведь платформы на станциях и так тесные, много шатров не поставишь... Все дома богатых и состоятельных изнутри обтянуты красивыми тканями, застелены коврами, уставлены роскошной утварью... Их обитатели спят на мягких матрасах и подушках, укрываются одеялами. У них есть собственное электричество, его дают генераторы, принесенные с Поверхности (за горючим для них время от времени ходят Наверх группы добытчиков Эмирата). Их женщины ходят в красивых нарядах, сплошь увешанных золотыми украшениями.

Те, кто победнее, – живут не так роскошно, но тоже в удобстве. А совсем бедные... Рабы и бедняки у нас живут в тесных клетушках под платформой. Там совсем нет никаких вещей – разве только какие-нибудь старые одеяла и тюфяки, выброшенные их прежними владельцами.

...Чем живут жители общин? Петровско-Разумовские контролируют Рынок, магазины и склады Наверху. Они добывают нужные вещи и товары, генераторы и горючее к ним, оружие и продают все это другим станциям. Кроме того, Эмират является южным форпостом нашей части Метро. И его воины (по-местному – нукеры) несут дозор в туннелях и Наверху, охраняя южные скавенские территории от людей. Особенно актуально это стало в последние годы, когда на пустующую Тимирязевскую проникли и поселились там какие-то очень наглые и опасные «слуги шайтана»². Эмирату и только-только образовав-

² См. «Темные туннели» С. Антонова.

ишесю Сосружесству Серых Станций (куда вошли Владыкино, Отрадное, Бибирево) такое непрошеное соседство не понравилось. После нескольких попыток похищений его жителей и оособо кровавых стычек в туннелях Эмират встал на дыбы и объявил «слугам шайтана» газават (то есть, священную войну). Некоторое время у нас тут шли самые настоящие бои и в туннелх, и Наверху. Потом Эмират запросил поддержки у Сосружесства, тимирязевцам коллективно надавали по шее, и на время все стихло. Инженеры Сосружесства перекрыли гермостворы в южных туннелях между Эмиратом и Тимирязевской, но в одном из них что-то заело – так что перекрыли не до конца. Поэтому теперь нукеры Эмирата и несут дозор – по договоренности с Сосружесством – на южных рубежах нашей Линии. А наши эмиратские добытчики со временем большие стали походить на пограничников – потому что им тоже приходится воевать с тимирязевцами, только Наверху. Так вот и живем.

Владыкинцы тоже не прочь были бы заниматься добычей всяких полезностей, но им доступ Наверх в последние лет десять практически перекрыт. И все из-за того, что в находящемся у них под боком Ботаническом саду завелись какие-то мутанты – черные, как дно у закопченного котла, страааашиные... А уж воют как – просто мороз по коже продирает и воли лишаешься! Бррр... Владыкинцы из-за них не могут даже в свое Депо выбратсья за какими-нибудь деталями от техники. Задраили гермостворы наглухо – чтобы не дай бог те страшилища Вниз не просочились, – и с тех пор живут, как в осаде, а их добытчики ходят Наверх через другие станции Сосружесства. Правда, до появления тех мутантов владыкинцы все же успели натащить на станцию много всего полезного – и из магазинов, и с рынка «Владыкино», и даже из Ботанического сада. Пока там вся эта растительность и живущая среди нее живность не мутировала во что-то злое, ядовитое и кусачее. Они даже умудрились каким-то чудом, не иначе, сохранить от крысиного набега нескольких свиней и кур (о них – далее) – и теперь разводят их и продают (точнее, обменивают) мясо, кожу, яйца, пух... Недавно вот где-то ахатин достали – гигантских улиток. Также разводят – на деликатесы, потому что ахатины хоть и здоровенные, но растут уж очень медленно... Так что можно сказать, что Владыкино – сельскохозяйственная житница нашей части метро.

Говорят, что до крыс такой житницей у нас была Тимирязевская, у которой под боком находились опытные делянки, оранжереи и животноводческие комплексы сельскохозяйственной академии... Свиньи и куры, которых чудом сберегли самоотверженные владыкинцы, – потомки тех самых животных, когда-то приведенных в метро еще тимирязевцами.

Кстати, черные скавены не едят свиное мясо! Я спросила почему – мне сказали, что им их вера не позволяет. Странные они: по-моему, еды и так невеликое разнообразие, чтобы ею пренебрегать... Зато желтые едят все, что, кажется, не может съесть их самих!.. Хотя нет, насчет крыс (вспомним уничтоженную Тимирязевскую!) я не права – и крыс едят! Они их держат в клетках и откармливают на мясо. Мясо домашней крысы (здоровенные зверюги, просто монстры!) гораздо вкуснее, чем дикой, – мягкое, нежное, просто во рту тает! Мне доводилось пробовать пару раз... Крысиные и куриные фермы желтых – основной поставщик мяса для черных кланов.

Отрадное и Бибирево (смешанный племенной состав) живут примерно одинаково (разве что Бибирево – более «бедное»). Там тоже, как и во Владыкине, выращивают грибы и мясных крыс, но это больше для себя. Главное их занятие – ремесла и починка всего, что вышло из строя. Как я уже говорила, отраденцы таскают стройматериалы и прочие полезности из «Леруа Мерлен» и своих трех Торговых Центров и торгуют ими по всей нашей линии. Местные умельцы соорудили несколько дрезин – так что по нашей Линии теперь можно ездить, а не ходить пешком! Особенно по территории Сосружесства. Можно сказать, что на ней действует более-менее постоянный общественный транспорт. Ну, по крайней мере, на участках, освобожденных от когда-то застрявших на них

поездов. Часть составов в свое время была отогнана с помощью мотовозов во владыкинское депо и в тупики, но часть их осталась в туннелях. Их приспособили к использованию: какие-то отвели под жилища, другие – под технические и прочие нужды... Ходить, конечно, сквозь них неудобно, но тут уже никуда не денешься.

Вообще, отрадненские вполне могут поспорить с петровско-разумовскими в том, кто из них богаче живет. И еще неизвестно, кто выиграл бы! Но богатство Эмирата – оно какое-то... показное, что ли... Не знаю, как и сказать. Эти роскошные покои, наряды и украшения женщин, еда из сногшибательной красоты посуды... Во всем этом мне видится что-то такое... хвастливое и внешне блестящее, а на деле – пустое внутри. Пожалуй, я бы так сказала: наши богачи копят свои богатства просто ради самих богатств и хвастовства ими. Ради того, чтобы выглядеть солидно и весомо среди других соплеменников. Роскошная одежда, золото, шикарная обстановка... Кто смог натащить в свой дом этого барахла больше всех – тот и в почете.

Ну точно как наши «родичи» крысы! Все в нору, в нору!

Богатство отрадненских – иного свойства. Там к накоплениям относятся более... практично, что ли... Яркие тряпки и сверкающие побрякушки тут никого, кроме местной швейной мастерской, не интересуют. В цене и почете то, что призвано существенно облегчить жизнь Внизу: продукты, лекарства, стройматериалы, генераторы и топливо для них... оружие и патроны... То есть то, что имеет ценность не только для тебя лично и твоего самолюбия. То, что можно выгодно продать или обменять на что-то, также имеющее практическую ценность и полезность. Отрадненцы – это по большей части очень деловые и хозяйственные лю *зачеркнуто* скавены, умеющие работать как головой, так и руками. И, что самое главное, своими богатствами они не кичатся. И не жадничают. Иногда они даже помогают более бедным жителям Содружества – естественно, не бесплатно, но с хорошими скидками. Я ничуть не удивлюсь, если окажется, что на их складах столько всяких полезных вещей, что ими хватит обеспечить все скавенские станции на долгие-долгие годы. Причем бесплатно!

Бибирево – это наш, так сказать, научный, культурный, военный и спортивный центр. На месте бывшего поширстного съезда дополнительно надстроили и укрепили перегородки, пространство внутри расчистили, и теперь там располагается спортзал со всякими тренажерами (часть сами склепали, часть – притащили, что смогло уцелеть, сверху из развалин двух местных спорткомплексов). Поначалу там же хотели обустроить и больницу, но из-за опасного соседства с разбойным Алтуфьевым передумали и перенесли ее в один из составов в южном тоннеле. Были еще школа и небольшая библиотека при ней, но позже их перенесли в Отрадное – так безопаснее для детей. Кроме того, Бибирево – это опорная и тренировочная база наших добытчиков и службы внутренней безопасности, а также северный кордон, отделяющий «благополучную» часть Линии от земель Алтуфьевской общины, про которую я уже говорила. Пограничная, так сказать, крепость. Там, на станции, даже укрепления построили – такие, что лихим алтуфьевцам надо будет двести раз подумать, прежде чем решиться их штурмовать!

А еще на этих трех станциях нет рабства, и там правят не эмиры, а Советы Общин, избранные представители которых, в свою очередь, составляют единый Совет Содружества Скавенских (или, как еще у нас говорят, Серых) Станций! Удивительно!

Чем живут алтуфьевские – могу только догадываться. По моим скудным наблюдениям, они не слишком-то жалуют ни сельскохозяйственный, ни технический труд. Их любимое дело – война, охота и... грабежи. Раньше едва ли не каждый месяц тамошние боевики совершали налеты на бибиревские блокпосты в туннелях, пытаясь прорваться дальше по Линии, чтобы награть добычи и захватить пленников. Бибиревцы, при поддержке союзных общин, дружно давали им по шее, и на какое-то время все затихало. Затем в север-

ных тоннелях воздвигли неприступные баррикады, и набеги на станцию прекратились... Но зато участились случаи похищения работающих Наверху добытчиков и рабочих.

В периоды перемирия алтуфьевцы иногда приходят к соседям с меновой торговлей. У них там, Наверху, вообще места дикие – куча бывших парков, Лианозовский питомник, Ближнее Замкадье... В общем, живут они там, как в джунглях, и иногда совершают рискованные рейды аж в замкадьевские леса. И время от времени приносят на обмен шкуры, мясо, клыки и рога каких-то наземных зверей, диковинные растения и плоды... У нас (в смысле – в Содружестве и в Эмирате) это считается редкостью и очень ценится. Иногда наши врачи даже заключают с алтуфьевскими добытчиками договоры на сбор и доставку лекарственных трав из Замкадья. Но это бывает очень редко, поскольку стоят эти услуги баснословно дорого, да еще и с самими алтуфьевцами не так-то просто договориться. Это ведь те еще отморозки. Не сказать, что у нас их боятся, но... дело с ними стараются иметь пореже. Ибо себе дороже.

Между прочим – я уж и не знаю, в силу каких причин – Петровско-Разумовская община тоже держится как-то в стороне от остальных. Мол, мы отдельно, вы – отдельно. Что не мешает, конечно, торговым и прочим отношениям, но вот эта обособленность черных скавенов очень заметна! Эдакий маленький мирок, живущий своим укладом и подчиняющийся своим законам. В который лучше лишний раз не соваться. Одно слово – Эмират. Независимое государство.

Вот так и выходит, что наш участок Серой ветки как бы сам собой поделился на три... зоны влияния, что ли... Союзнические Владыкинская, Отраденская и Бибиревская общины – и обособленные от них Алтуфьевская и Петровско-Разумовская, каждая в своей скорлупе...»

(Из старого, времен конца 2020-х гг, дневника Крыси)

Глава 3

Общество библиофилов

Закончив обшаривать очередной квартал, Восток посмотрел на часы. До рассвета оставалось уже чуть более полутора часов. Пора было поворачивать в сторону базы «Медведково», чтобы успеть до свету нырнуть в привычные подземные норы.

– Надо же, – пробормотал Восток. – Их крысюками зовем, а сами чем лучше? От света, как крысы, под землю прячемся.

Сталкер уже почти собрался идти, как вдруг взгляд его привлекла обветшавшая вывеска на стене длиннющей, как Великая Китайская Стена, панельной многоэтажки.

– «Центральная библиотека номер семьдесят семь» – разобрал он полустертую надпись.

Восток еще раз бросил взгляд на часы, потом на вход в библиотеку, потом – снова на часы. Соблазн был велик. К тому же у него как раз закончился запас непрочитанной литературы, и сейчас чувство самосохранения, требующее как можно быстрее убираться отсюда, боролось в душе сталкера с неодолимым желанием разжиться парой-тройкой новых книг.

– Ай, ладно! – махнул он рукой. – Зайду на десять минут, а потом – рысью до Медведкова. Авось никаких «зверушек» по пути не встречу.

И Восток направился ко входу в библиотеку. Сколь ни удивительно это было, но входная дверь оказалась закрыта. Более того, заперта на замок. Очевидно, до сих пор никто из рыскавших по окрестностям сталкеров не польстился на «разумное, доброе, вечное», хранившееся на полках и стеллажах этого некогда популярного, а ныне заброшенного очага культуры.

– Когда говорят пушки, музы молчат, – усмехнулся сталкер, подергав дверную ручку, и добавил:

– А когда говорят ракеты, то музам вообще лучше не высовываться!

Он уже собирался без лишних церемоний взломать эту в общем-то не слишком прочную преграду, когда заметил, что одно из окон первого этажа, в котором находилась библиотека, разбито. Рядом со стеклом лежало пыльное поваленное дерево, крона которого почти закрывала пролом.

– Ясно, – проговорил про себя сталкер; он вообще любил бормотать свои мысли вслух, словно общаясь с невидимым собеседником, особенно во время долгих одиночных вылазок на поверхность. – Его, наверное, деревом упавшим выбило, стекло это.

На долю секунды ему показалось странным, что дерево упало на окно, разбило его, а потом само собой высвободилось, да еще и осколков острых торчать не оставило, но он отогнал эту мысль как вздорную.

– Так тебе, милый друг, скоро черти начнут мерещиться, – покачал головой Восток, обращаясь к самому себе. – Или мутанты безголовые.

Сталкер усмехнулся своим мыслям, еще раз проверил оружие, подтянулся на руках и осторожно протиснулся сквозь разбитое окно, стараясь не шуметь и не порезать костюм о стекло.

После залитых ярким лунным светом ночных улиц царивший в библиотеке мрак показался Востоку в первый момент непроглядным. Но сталкер не торопился зажигать фонарь. Опыт подсказывал ему, что как раз в таких вот безобидных с виду помещениях можно запросто столкнуться с очень неприятными в общении представителями поверхностной фауны. Поэтому Восток сперва некоторое время неподвижно стоял, прислушиваясь к тишине, наполнявшей тесное, заставленное высокими стеллажами пространство библиотеч-

ного зала. Прошла минута, другая, но беззвучный мрак, царивший среди покинутых книжных полок, оставался столь же беззвучным. К тому же, за это время глаза сталкера привыкли к темноте, и теперь он различал даже надписи, указывающие тематические разделы.

«Учебники», «История», «Приключения», «Справочники», «Классика», «Фантастика – фэнтези». Сталкер осторожно переступил с ноги на ногу и, держа перед собой автомат, двинулся в направлении отдела фантастики. Была у Востока тайная страсть: он невероятно любил фантастические романы. Страсть эта жила в нем с раннего детства, когда еще мальчишкой он зачитывался произведениями Жюль Верна, Адамова, Ефремова. Позже к ним добавились другие авторы – и популярные, раскрученные, такие как Лукьяненко и Бушков, и совсем малоизвестные Бернгард Келлерман или Анастасия Парфенова...

Много с тех пор воды утекло. Распался и сгорел в ядерном огне мир, рухнул хрустальный замок цивилизации, а вот любовь к этому литературному жанру осталась. Когда-то она помогала Востоку, тогда еще носившему имя, полученное при рождении, отдыхать от текучки и рутины, уносясь в мир захватывающих приключений и событий. Позже, когда весь мир для жителей Москвы сжался до размеров подземки, то же мальчишеское увлечение не давало ему сойти с ума от ежедневных столкновений с кровью, смертью и болью, которыми были буквально пропитаны станции и перегоны московского метро.

Восток зажег примотанный скотчем к стволу автомата фонарь и сделал несколько шагов по покрытому многолетним слоем пыли полу. При этом он не забывал периодически поводить стволом оружия по сторонам и внимательно вслушивался в окружающую тишину.

Внезапно до его слуха донесся какой-то слабый звук. Восток замер, сжав в руках автомат, и весь обратился в слух, пытаясь по звуку разобрать, что за тварь скрывается за книжными полками.

Вскоре звук повторился, он был похож одновременно на сопение, как будто кто-то шмыгал носом, и на какое-то хныканье. Восток мог бы поклясться, что в зале кто-то... плачет! Но кто мог плакать в давным-давно покинутой всеми библиотеке, ночью, в городе, вот уже много лет как превращенном в огромное кладбище? Наверняка этот звук издавала какая-нибудь тварь, может быть, хищная, пожирающая добычу, а может, и безобидная. В последнем, впрочем, Восток сильно сомневался. За годы, проведенные в метро, он уяснил для себя одну простую мысль: в этом мире теперь нет «безобидных зверушек». Каждая тварь, живущая на поверхности, всегда готова укусить, ужалить, поцарапать – и это еще в лучшем случае.

Несколько секунд сталкер колебался – уйти ли ему прямо сейчас, оставив на этот раз в покое библиотечные залы, или все же попробовать выяснить, что за существо притаилось в помещении. Может быть, ему повезет, и оно впрямь окажется безобидным или трусливым, и тогда все же удастся разжиться парой-тройкой книг.

Восток еще раз взглянул на часы – до рассвета оставалось уже чуть больше часа – и принял решение:

– Ладно, ну его. Не уйдут от меня эти книги. В следующий раз зайду.

И он осторожно, не поворачиваясь спиной к неустановленному источнику звуков, сделал шаг назад.

И тут произошло событие, которое коренным образом изменило ситуацию. В тот момент сталкер еще не знал, что это же событие предопределило всю его последующую жизнь.

В неразборчивых звуках Восток разобрал слова!

Это было так странно, что в первый момент он просто опешил. Нет, это не было галлюцинацией или плодом его воображения. Он ясно слышал, как в библиотечном зале кто-то кого-то называл дураком. И потом тот же голос, явно смешанный с плачем, стал укорять

кого-то. В чем и кого – этого Восток не разобрал, но слух выхватил непривычное, вроде как иностранное, слово. Итальянское, что ли?

В тот же момент из-за полка на секунду выскользнул и метнулся по противоположной стене острый лучик света и опять скрылся за стеллажом.

Теперь местоположение источника звука было ясно. Там, за стеллажами с табличкой «Классика», кто-то или что-то издавало эти звуки и при этом, невероятно, подсвечивало себе фонариком!

В голове у Востока вихрем пронеслись возможные варианты. Может, там коллега-сталкер? Очень может быть. Почему он тогда не выходит? Может, ранен? Почему эти странные слова? Почему плачет? Возможно, бредит? Тоже может быть. Повредил маску, надышался чего не надо, вот башню и снесло. Надо бы все же посмотреть. Закон сталкерского братства, которому Восток следовал с самого начала своей «изыскательской» деятельности, не позволял бросать товарища в беде.

– Ладно, – пробормотал Восток, – поглядим, что там и кто там. Только аккуратно. А то кто его знает, что у него в башке переклинит. Как бы не шамальнул ненароком. Собирай потом начитанные мозги по всей библиотеке.

Он погасил фонарь и осторожно двинулся вперед. По мере приближения звуки становились все более отчетливыми. Теперь уже было ясно, что, кто бы ни издавал их, он там один и как минимум умеет говорить по-русски, хотя и с каким-то странным, смягчающим согласные, шипящим выговором.

Восток приблизился к источнику звуков почти вплотную. Теперь их разделял только один стеллаж. Сталкер снова зажег фонарь, прикрыв его ладонью таким образом, чтобы в случае необходимости мгновенно ослепить противника, и осторожно выглянул из-за стеллажа.

То, что он там увидел, вызвало в нем целую гамму чувств, от облегчения и радости – до невероятного изумления: он нашел их!

Именно так, он, наконец, нашел крысюков! А ведь мог бы и пройти мимо библиотеки. А вот сейчас прямо перед ним на полу сидел крысюк и что-то сосредоточенно изучал при помощи налобного фонаря. Спустя мгновение Восток понял, что именно разглядывал мутант, и радость от окончания поисков сменилась в его душе глубочайшим изумлением: крысюк... читал книгу!

Именно так. Расскажи ему кто-нибудь такое у костра на Семёновской, Восток с удовольствием посмеялся бы этой байке – мутант, читающий книгу!.. Но вот здесь, сейчас, он собственными глазами видел перед собой крысюка, который читал какую-то тощую затрепанную книжку в мягком переплете! И не просто читал, а, похоже, искренне рыдал над прочитанным.

Окончательно добил Востока тот факт, что все это происходило не где-нибудь, а в отделе классической литературы!

– Обалдеть... – тихо проговорил сталкер и от удивления опустил руку, прикрывавшую фонарь.

Яркий луч вырвался из фонаря и уперся прямо в книгу, лежащую на коленях у крысюка. Тот недоуменно и даже как-то недовольно поднял голову – прямо как человек, которого оторвали от любимого занятия. На мгновение луч выхватил из мрака тонкие, изящные, Востоку даже показалось, по-своему красивые черты юного лица (именно лица, а не морды, как уверяли «яйцеголовые»), миндалевидные черные глазки удивленно блеснули из-под капюшона.

Секунду крысюк смотрел на человека, он явно не ожидал подобной встречи в покинутой библиотеке, а потом, взвизгнув совершенно по-крысьи, сломя голову рванулся на четвереньках в узкую щель между сталкером и стеллажом.

Выработанный годами рефлекс заставил Востока вскинуть автомат, и в ярком луче на мгновение вспыхнули и погасли два огромных, как ему показалось в тот момент, наполненных ужасом глаза крысюка.

«Да он не нападает! – понял вдруг сталкер. – Он же сам боится!»

Решение пришло мгновенно. Если сейчас дать этому крысенышу уйти, то сколько еще придется рыскать среди развалин, пока не встретишь еще одного представителя их породы? Да и ученые уже извелись в ожидании, когда же им в руки попадет целый и невредимый *homo-rattus sapiens*. К тому же, он может поднять тревогу, привести сюда других крысюков, и тогда расклад обернется совсем не в пользу Востока! Там уж как бы они его самого к своим «ученышкам» не потащили на изучение!

Крысюк уже почти протиснулся в узкую щель между человеком и стеллажом, еще мгновение – и он уйдет, скроется в полумраке, и тогда ищи его, свищи...

– А ну стой! – крикнул сталкер и, бросив автомат на кучу старых журналов, чтобы не ткнуться в пол стволом, прыгнул прямо на спину удирающей твари, пытаясь прижать ее к полу.

Но внешне хрупкий крысюк оказался еще и страшно проворным. В самый последний момент он извернулся, и сталкер увидел направленный прямо на него узкий острый клинок, тускло блеснувший в полумраке.

– Ах, ты ж!.. – только и успел воскликнуть Восток и всей массой рухнул на выставленное навстречу смертоносное железо.

Он ожидал обжигающей боли от лезвия, вспарывающего внутренности, но вместо этого почувствовал только сильный тупой удар в живот ниже края надетого под ОЗК бронежилета и какой-то скрежет. Все еще не понимая, что же произошло, почему он все еще жив и, судя по всему, даже не ранен, сталкер схватил мутанта за руку, все еще держащую нож, и попытался отвести ее в сторону. Противогаз при падении съехал, и Восток теперь не видел своего противника, пытаясь на ощупь ухватить и прижать, наконец, отчаянно извивающегося крысюка к полу. Но мутант, явно уступая человеку в весе и силе, оказался на удивление вертким. Сталкеру никак не удавалось захватить вторую руку крысюка, а тому так же не удавалось выхватить из тела человека нож («Интересно, во что же он его там воткнул?» – мельком подумал Восток) и снова пустить его в ход.

Неизвестно, чем могла бы закончиться эта смертоносная игра, если бы не вмешалась, как это обычно бывает, ее величество случайность.

Отчаянно сражаясь за свою жизнь, крысюк мимоходом задел ногой один из стеллажей. Порядком обветшавший предмет мебелировки от удара дрогнул, крикнул и как-то разом вдруг рассыпался на доски. На Востока и его противника лавиной рухнули книги и щепки от сломавшихся полок. Клубами взвилась пыль, а перепуганный крысюк пронзительно и тонко заверещал.

Сталкер тут же выпустил его и непроизвольно вскинул руки, защищая голову. Один довольно увесистый том попал прямо в лоб пытавшемуся подняться мутанту, и он, оборвав свой визг задушенным писком, растянулся на полу. Едва ли не в ту же секунду боковая стенка стеллажа рухнула, и вместе с оставшимися книгами на Востока обрушилась верхняя полка. От удара по спине – хоть и смягченного бронежилетом, но все же весьма чувствительного – сталкер покачнулся и ничком упал прямо на лежащего без сознания ратмана.

Еще несколько книг шлепнулись на них сверху, а потом наступила пыльная тишина.

Глава 4

День открытий и приключений

– Что ж за день такой сегодня?.. – эта мысль была первой посетившей Востока, когда к нему вернулась способность соображать, а также, по привычке, озвучивать свои мысли вслух. Один из томов крепко приложил-таки сталкера по голове, и она у него слегка гудела. Второй мыслью была весьма нелицеприятная оценка деятельности великих классиков прошлого, результатом которой становились такие вот толстенные издания, а также деятельности типографий и издательств, которые одевали эти самые издания в твердые, как фанера, картонные переплеты.

– Однако, кого же мы все-таки поймали? – продолжил сталкер привычный диалог сам с собой и попытался высвободить руки, чтобы сдвинуть на место маску противогаза. Это ему удалось, и теперь, сквозь изрядно запыленные смотровые стекла, он мог видеть крысюка, лежащего сейчас под ним и не подающего признаков жизни.

– Ладно, посмотрим, что тут у нас, – пробормотал Восток, протирая перчаткой стекла противогаза, и немного отодвинулся, чтобы разглядеть лицо мутанта. Впрочем, это оказалось непросто. В библиотеке и так царил сумрак, а теперь еще, когда вокруг были горы и холмы из упавшего литературного наследия, лица крысюка было и вовсе не разглядеть.

– Да жив ли он? – встревожился сталкер. Не то чтобы ему было жаль мутанта, но перспективы еще несколько дней, а то и недель провести в бесплодных и опасных поисках столь необходимого ученым *homo-rattus sapiens*-а совершенно не вдохновляла.

Все еще пытаясь уловить признаки жизни на тонком лице крысюка, Восток сделал попытку отодвинуться. Это ему не удалось – куча книг, наваленных сверху вместе с обломками стеллажей, была слишком тяжела.

– Извини, брат, придется тебя потревожить, – сталкер подтянул под себя руки и уперся в пол по бокам своего неподвижного пленника, пытаясь приподнять лежащую сверху кучу бумаги. Это ему слегка удалось, некоторая часть груза с шорохом ссыпалась со спины, и стало немного полегче.

Сталкер, желая выяснить, жива ли его добыча, еще немного повозился, расстегнул стеганую денимовую безрукавку, надетую мутантом поверх не по размеру мешковатого и вытянутого, но даже на вид еще теплого свитера, и приник ухом к его груди, чтобы послушать, бьется ли у крысюка сердце.

Сердце билось, правда, как-то неровно и суматошно. Сталкер вдруг ощутил под своей щекой что-то плотное и упругое, словно маленький набитый мешочек. Восток в первый момент даже не понял, что это. К тому же, темнота и противогаз мешали провести, так сказать, идентификацию. Сталкер провел рукой по телу крысюка.

Ах вот оно что. Свитер его пленника как-то странно топорщился на груди, словно за пазухой у него что-то лежало.

– Интересно, чего такого этот парень напихал в карманы? – вслух подумал Восток, продолжая на ощупь изучать лежащего крысюка. – На противогазный фильтр не похоже – нет у него противогаза, на оружие тоже... Может, бронежилет? Да нет, слишком мягкий, тоже не то. Что же это такое?..

И вдруг до сталкера дошло!

– Бог мой! – пробормотал он, чувствуя под противогазом, как краска приливает к лицу. – Да это же... Да... вот видели бы парни со станции, как я тут... Померли бы со смеху!

Ситуация и правда складывалась довольно двусмысленная, если не сказать пикантная. То, что сталкер принял за часть одежды или принадлежность снаряжения, оказалось в буквальном смысле принадлежностью самого крысюка. Точнее – крысуюхи.

– А может быть, крысихи? – продолжил по привычке рассуждать сам с собой Восток. – Или крысяры? Кто их знает, как они у себя женский пол называют?

Он бы еще поразмышлял какое-то время над сложной этимологией терминов, указывающих на гендерную принадлежность homo-rattus sapiens, если бы лежащая под ним представительница этих самых homo-rattus не пришла в этот момент в себя. Причем, реакция ее, как машинально отметил про себя сталкер, в этот момент оказалась вполне типичной для представительницы прекрасной половины любых sapiens – хоть homo, хоть rattus, – вдруг обнаружившей, что на ней лежит некий совершенно незнакомый мужик и самым бесцеремонным образом изучает на ощупь ее грудь!

– И долго ты еще собираешься меня лапать?! – прошипела она, уставившись ему в лицо сердитыми, сплошь черными, без белков, глазами.

Такого, что ни говори, естественного вопроса, заданного при, мягко говоря, несколько неестественных обстоятельствах, Восток ожидал менее всего.

– Так ты... ты что... ЖЕНЩИНА?!.. – невпопад брякнул он, все еще занятый своим открытием и совершенно забыв, что рука его по-прежнему лежит на округлом мягком холмике под застиранным свитером.

Крыся сперва недоуменно воззрилась на нахала, потом возмущенно – на его руку, а потом ответила, со всей ядовитостью, на которую была в тот момент способна (а способна она была в такие вот критические моменты на о-очень многое!):

– Нет, блин!!! Мужик!!! Двухметровый амбал в перьях! Оцеола – вождь семинолов!..

Она возмущенно задержалась, пытаясь выползти из-под него, а потом нетерпеливо и довольно скандально взвыла:

– Да слезь же ты с меня, наконец, чудовище!!! И лапы свои убери!.. Разлегся тут... Совсем мужики охамели!..

– Ой!.. – спохватился Восток.

Отдернув руку, как от раскаленного железа, он нашелся только пробормотать в крайнем смущении:

– Да я ничего такого... Просто...

И добавил, вообще уже ни к селу ни к городу:

– А на меня тут шкаф упал... Случайно...

– «Случайно!» – голос Крысы в этот момент представлял довольно агрессивную смесь сарказма и сварливости. – У вас всегда все случайно падает! Только почему-то вы при этом «случайно» норовите нас завалить!

– У кого это «у вас»? – поинтересовался Восток. Недавнее смущение улетучивалось, сменяемое иным ощущением. Сталкера уже начала слегка раздражать эта склочная крысиха, да еще к тому же, похоже, с непомерным комплексом эмансипации.

– «У вас» – это у вас! У мужиков, вот у кого! – Крыся снова предприняла безуспешную попытку вылезти и снова нервно взвыла: – Да слезь же с меня!

Ей было страшно, очень страшно – все-таки она попала в плен не кому-то, а человеку, да еще и человеческому мужчине! А когда Крыся чего-то или кого-то боялась – она всегда становилась довольно ядовитой и скандальной особой. Потому что никоим образом не желала показывать своего страха.

– Вот только не надо обобщать! – пропыхтел Восток, именно это – то есть сползти с нее – и пытающийся в данный момент сделать. – И вообще...

Наконец ему удалось приподнять собой кучу книг и обломков стеллажа, и Крыся, извернувшись, выскользнула из-под сталкера и оказалась на свободе. Она тут же отскочила на безопасное расстояние и теперь следила за каждым движением опасного соседа расширенными настороженными глазами.

– И вообще, – продолжил Восток, с пыхтением выбираясь следом, – нечего было тут носиться, как угорелая крыса, и лягаться во все стороны, тогда бы и стеллаж не упал!

– Это... это я-то носилась?! Это я-то лягалась?! – Крыся аж задохнулась от возмущения и даже забыла про свой страх перед человеком. – Это я-то угорелая крыса?! Да ты...! Да ты...! Обезьяна! Макака-переросток – вот ты кто!.. И... и я из-за тебя фонарик потеряла!..

Она возмущенно зафыркала и, показав язык, демонстративно отвернулась. Впрочем, краешком глаза она продолжала следить за человеком, готовая при любом агрессивном действии с его стороны мгновенно сорваться с места. На бедре ее висела кобура с верным иглометом, это придавало уверенности. В случае чего...

Но человек, кажется, не был настроен враждебно. Более того, теперь, когда первый запал прошел, он с удивлением и интересом уставился на крысюковскую девушку, рассматривая ее, насколько позволял полумрак помещения.

«А она ничего, – неожиданно подумал про себя Восток. – Ладная фигурка, любая девчонка позавидует таким точеным формам, да и мордочка... нет, скорее, все же лицо, очень симпатичное...» – и сам удивился своим мыслям: кажется, он нашел эту мутантку... привлекательной? Бред какой-то!

В этот момент Крыся повела взглядом по мешанине из рассыпанных книг и остатков стеллажа и горестно всплеснула руками:

– Ну вот... теперь искать... И откуда ты только взялся на мою голову?..

Она скользнула к книжной гряде и принялась нетерпеливо разбирать ее, откладывая в стороны ненужные тома.

– Не то... не то... А это?.. Нет... О, фонарик нашелся!.. – бормотала она, отфыркиваясь от лезущей в нос пыли.

Востоку даже стало любопытно: что же за книгу эта... крысиха? Да нет, пожалуй, если принять во внимание юный (на вид – никак не более двадцати) возраст – крысишка... Что за книгу эта крысишка ищет с таким рвением? И... что она читала перед тем, как он ее спугнул?

– Может, тебе помочь? – довольно миролюбиво предложил он. – Что ищешь-то? Как книга называется?

Крыся покосилась на него, перестав трясти никак не желавший включаться (видимо, сломался во время их сражения) фонарик. Помолчала, а потом нехотя буркнула:

– Трагедии там. А писателя зовут Шекспиром. Знаешь такого?

У сталкера едва противогаз на лоб не заполз от удивления! Крысюки – и вдруг Шекспир! Трагедии!

Поистине день открытий!

– Ну, что стоишь? – бросила крысишка. – Кто-то собирался помочь, кажется?

– А, ну да... – заторопился сталкер и, сделав несколько шагов по рассыпающейся бумажной горе, что-то вытащил из-под кипы листов.

Внезапно взвизгнув, Крыся мгновенно оказалась в углу и прижалась к стене, судорожно схватившись за кобуру на бедре. У сталкера в руках был автомат – причем, какой-то странный, совсем не похожий на привычные здоровенные АКМ или складные укороченные АКМСУ. Это было какое-то неизвестное ей и непривычное на вид оружие с длинным, торчащим прямо посередине прямым магазином. Но это был автомат, и он был сейчас в руках у человека. Крыся почувствовала, как волосы шевельнулись у нее на голове от страха. Она медленно, стараясь не привлекать внимания человека, потянула из кобуры игломет...

– Ты чего? – удивился Восток. – Ах, это? Не бойся, это я вот для чего, – он чем-то щелкнул у самого ствола, оружие выбросило яркий луч света. – Хочу фонарь зажечь. Погас при падении. Хорошо еще не разбился. С фонарем-то лучше?

– Ну да, ну да... – отстраненно проговорила Крыся, все еще не сводя глаз с оружия. – С фонарем, конечно, луч... А-апчхи!!!

Поднятая их возней пыль наконец доконала ее: девушка расчихалась не на шутку. Ей даже пришлось опуститься на пол, чтобы не упасть. И стало как-то не до человека с его странным оружием.

– Будь здорова! – услышала она над собой веселое, заглушенное противогазом хмыканье.

– Спа... апчхи!.. Ох...

К счастью, приступ чихания был недолгим. Отдышавшись, Крыся, наконец, вспомнила о стоящей рядом опасности и снова подобралась, готовая ко всему самому худшему.

– Так мы ищем или как? – повесив автомат на плечо, сталкер опустил ствол и начал методично обшаривать свеженаваленные книжные россыпи. То, что девушка, прежде чем расчихаться, пыталась выхватить оружие, он, кажется, либо не заметил в полумраке, либо сделал вид, что не заметил.

Крыся некоторое время опасливо смотрела на этого странного вооруженного человека, который вопреки всему, что она знала о людях, не бросился сразу ее убивать и даже вроде как не вел себя враждебно. Наконец она передернула плечами и тоже присоединилась к поискам, периодически все же косясь на автомат и его обладателя. Так они некоторое время сосредоточенно рылись в рассыпанных книгах, отбрасывая уже просмотренные за упавший стеллаж. Слышно было только сопение человека в противогазе и шорох бумаги. Наконец луч фонаря выхватил из полумрака простой бумажный переплет с крупными черными буквами: «Пьесы У. Шекспира. Неизвестные переводы. Библиотека самиздата»³.

– Оно? – поднял голову Восток, указывая лучом на книгу.

– Ура! – радостно взвизгнула крысишка и, одним прыжком оказавшись перед сталкером, схватила в охапку драгоценный томик.

– Детский сад... – только и смог вымолвить на это Восток, пожимая плечами.

– Что? – не поняла Крыся и удивленно посмотрела на человека. – Детский сад? Сад – это ведь где деревья растут, да? А дети тут при чем?

Сказав это, она замолчала и вдруг осознала удивительную вещь. Если бы еще сегодня утром ей кто-нибудь сказал, что этой ночью она будет вот так запросто разговаривать с вооруженным человеком, она наверняка сочла бы это не слишком удачной шуткой.

– Дети? Дети... – сталкер вздохнул. – Дети теперь уже ни при чем.

Все это время Востоку не давала покоя одна мысль, ему казалось, будто что-то не так, что-то находится не на своем месте. Отвлеченный сперва на перепалку с крысюковской девушкой, а потом на поиски книги, он как-то забыл об этом. Но сейчас это ощущение вернулось и беспокоило его.

Что же было не так? Что-то с ним? Да нет, вроде он не чувствовал себя раненым или травмированным.

Может, со снаряжением? Сталкер несколько раз глубоко вдохнул, воздух свободно проходил через фильтр противогаза.

Стоп! Вот что было не так! Восток еще раз вдохнул – воздух проходил в противогаз слишком свободно!

Сталкер осторожно ощупал затянутой в резиновую перчатку рукой маску на лице. Маска была целой. Тогда он начал сантиметр за сантиметром внимательно изучать состоя-

³ В реальности такой книги не существует.

ние гофрированного шланга, ведущего к фильтрующей банке в сумке на поясе. Шланг тоже был, судя по всему, не поврежден.

Наконец руки сталкера добрались до брезентовой сумки с фильтром, и вот тут его ждало неприятное открытие. Вогнанный почти по самую рукоятку, из распоротого брезента косо, почти вывалившись из прорехи, торчал нож.

Мгновенно в памяти Востока всплыло его падение на крысюка, острое лезвие, направленное прямо в живот, тупой удар, скрежет испаряемого металла.

– Чтоб тебя!.. – сталкер посмотрел сначала на рукоятку, торчащую из испортой фильтрующей банки, потом на Крысю и спросил:

– Ну, и кто это сделал?

Крыся, которую неожиданная реплика сталкера оторвала от изучения состояния книги, удивленно подняла голову. Черные глаза посмотрели сначала на лицо, а точнее – хоботастую маску человека, а потом скользнули ниже.

– Ой! – за это время она и сама успела забыть о своей попытке выпустить напавшему на нее страшному человеку кишки.

– Ой? – переспросил Восток. – «Ой» – и все? Вот мне интересно, какого же... надо было?.. А? – он сказал это таким тоном, каким строгий родитель мог бы поинтересоваться у дочери, стоящей над осколками дорожкой антикварной вазы, для чего ей понадобилось играть дома в баскетбол. Тем более, что юная крысишка и впрямь годилась ему если не в дочки (Востоку было тридцать семь лет), то уж в младшие сестренки – точно.

– Я... я случайно... – крысишка сказала это так виновато, что у Востока пропало всякое желание сердиться на нее.

– Черт знает что! – всплеснул он руками.

Продолжая внимательно осматривать повреждения, нанесенные фильтру, он все больше убеждался, что повреждения эти были явно не совместимы с жизнью фильтра, а стало быть, в скором времени могли привести к скорому окончанию и его собственной жизни.

– «Я случайно»... – передразнил Восток. – Мне вот интересно, как я теперь с таким фильтром пойду к Медведкову, а? Не посоветуешь? Случайно так...

– Может, чем-нибудь заткнуть? – робко предложила Крыся, пряча взгляд.

– Знаешь, что и куда себе заткни?!.. – Восток едва сдержался, чтобы не выругаться. – Ладно. Делать нечего. Попробую добраться и с такой прорехой.

Крыся как-то подозрительно шмыгнула носом, и сталкер вдруг почувствовал что-то такое, отчего волна раздражения исчезла и появилось какое-то теплое, давно забытое чувство, от которого он вот уже много лет искал убежища в темных перегонах туннелей и в мертвых городских кварталах на поверхности.

– Ну ладно, что ты... что ты... – обратился он к сопевшей, как обиженный ребенок, крысишке. – Как-то мы с тобой тут столкнулись... Я бы тоже на твоём месте за нож схватился. Ну, не реви, пожалуйста! У меня на женские слезы – острая аллергия!

И в первый раз за все время, прошедшее с их встречи, Восток улыбнулся. Улыбка, впрочем, не была видна под маской противогаза, но Крыся как-то почувствовала ее и зашмыгала носом еще интенсивнее.

– Я правда... я правда не хотела... я испугалась, – говорила она, всхлипывая и по-детски дрожа губами. – Ты появился, страшный такой... с автоматом... я подумала...

– Ну ладно, ладно тебе, – Восток совсем смутился при виде реакции этого хрупкого существа, уже готового разреветься в голос. – Ну ничего же не случилось. Видишь, я цел, нож в фильтре застрял. Все в порядке. Ну, – добавил он, подумав, – почти в порядке.

– Правда? – спросила Крыся, с надеждой глядя на сталкера большими и наивными, как у ребенка, глазами.

– Правда! – подтвердил Восток, выдергивая и рассматривая ее нож. – Только давай подумаем, чем мне теперь залатать банку. Она теперь, конечно, только на свалку годится, но до Медведкова добраться, думаю... Эй, ты чего?!

Внезапно и без того большие темные глазищи крысишки округлились, она неуловимо-быстрым движением выхватила из пристегнутой к бедру кобуры какой-то длинный, странной конструкции, пистолет и... прицелилась в голову сталкера.

– Эй... – Восток опешил. Только что, вроде, нормально разговаривали, и тут...

– Пригнись! – шепотом велела она и, видя его замешательство, нервно взвизгнула уже в голос: – Пригнись, дурак!!!

Что-то в ее голосе, а главное – глазах, было такое, что заставило сталкера беспрекословно подчиниться. Он плашмя рухнул на книги. В ту же секунду над головой что-то хищно и тонко свистнуло, за спиной раздался неприятный чавкающий звук, какой-то хрип, звяканье о стену чего-то металлического и... шум падения крупного тела.

Восток обернулся... и застыл на месте.

Позади него лежала слабо дергающаяся туша паука-переростка величиной с хорошую такую овчарку! Из маленького отверстия точно в том месте, где у пауков располагается нервный узел, толчками вытекала темная кровь. Тварь дернулась еще пару раз и сдохла.

– Ненавижу пауков... – услышал Восток и повернул голову на голос. Девушка-крысюк в неловкой позе сидела на полу, обеими руками прижимая к груди свое странное оружие. Ее трясло. – Ненавижу... Т-твари... – она вдруг всхлипнула и... все-таки разревелась!

Восток растерялся. Потом нахмурился под резиновой «мордой» противогаза. Женских слез он и так не выносил, а тут мало того, что женщина, даже почти девчонка, так еще и мутантка! Черт их знает, этих бывших людей, что у них теперь за склад мышления! Начнешь утешать – так еще чего доброго...

Впрочем, способностей к утешению и человеческих плачущих женщин сталкер раньше за собой тоже не замечал.

Он посмотрел на всхлипывающую крысишку, на ее судорожно стиснутые руки... И с немалым изумлением обнаружил, что оружие, которое она сжимала, было коротким ружьем, даже пистолетом для... подводной охоты! Так вот почему он не услышал звука выстрела, и вот что там звякнуло – гарпун!

Он поднялся и, осторожно обойдя издохшего паука, приблизился к месту, куда – судя по звуку – упал гарпун, прошив насквозь паучью тушу.

У ног тускло блеснуло. Сталкер нагнулся и поднял... это был даже не гарпун, а, скорее, стрела. Или даже игла. Короткий кусок очень толстой проволоки, остро заточенный с одного конца. Серьезный аргумент – если умело воспользоваться!

Игла была перепачкана паучьей кровью, и Восток, брезгливо отбросив ее, вытер перчатку о ветхую, тут же расползшуюся на нитки, портьеру. Он снова обернулся к мутантке и только тут заметил, что, помимо кобуры для пистолета при ней была еще одна. Оттуда выглядывали тупые кончики нескольких таких же самодельных игл и рукоятка приспособления для их зарядания. Серьезный арсенал для столь хрупкого и нервного создания!

Ну, Впрочем, порванных кабелей-то теперь везде – хоть обмотайся, нетрудно надеть боеприпасов. Это тебе не патроны!

Восток должным образом оценил оружейную изобретательность крысюков и мысленно сделал пометку: подкинуть идею оружейникам. Как знать, может, найдутся еще не разграбленные спортивные, охотничьи и туристические магазины, где еще теоретически можно найти такие вот подводные ружья... Только, наверно, придется слегка переделать их механизмы – у воздуха-то сопротивление меньше, чем у воды. Крысюки это явно знали – иначе крысишкино ружьецо развалилось бы еще во время выстрела!

...Нет, пожалуй, люди поспешили с выводами насчет неразумных кровожадных тварей!..

– Интересное у тебя оружие! – сказал он крысишке. – С таким раньше под водой охотились. Вы его теперь под другие условия переделываете и пользуетесь?

– А тебе-то какое дело? – довольно неласково отозвалась девушка между всхлипываниями. – Наши тайны вынюхиваешь?

– Да нет, – мягко и понимающе усмехнулся сталкер. Все правильно, он на ее месте тоже не доверял бы чужаку! – Просто удивительно, что сталкер... а ты ведь тоже сталкер, да?.. ходит Наверх не с огнестрельным оружием, а с такой вот... конструкцией. Хотя, насколько мне известно, ваше... ммм... племя всюду пользуется огнестрелом.

Девушка окинула его подозрительно-изучающим взглядом. Шмыгнула носом и решительно вытерла рукавом запыленного свитера зареванное лицо. На щеках и лбу остались темные разводы, но она их, естественно, не заметила.

– Ну, пользуется... Только кто ж мне его даст – огнестрельное-то? Оно же дорогое, как... как я не знаю что. Некоторые вообще без него ходят, это я вот... подсуетились...

– Но это же опасно – ходить Наверх без оружия!

– А... – отмахнулась девушка. – Таким, как я, на нашей станции оружия вообще не полагается! Даже Наверху!

– Таким – это каким же? – тут же заинтересовался Восток.

– *Грязнокровкам*... А, ты все равно не поймешь, а объяснять долго... И я не сталкер!

– А что тогда Наверху делаешь – если не сталкер? Книжки в библиотеку сдать забыла, а теперь спохватилась? – он позволил себе маленькую подковырку.

Девушка обиженно засопела и огля его возмущенным взглядом красновато светящихся, как у сиамской кошки, глаз:

– Дурак! Меня тогда и не было вообще... когда они работали!

– Ну извини, извини, – сталкер примиряюще поднял ладони в защитных перчатках. – А ловко ты паука... – похвалил он, чтобы как-то умиротворить ее. – Стрела-то прямо рядом с моей головой пролетела. Классно стреляешь!

– Да не... – крысишка погасила алое свечение в глазах и неловко потупилась. – Я это... В общем, случайно... Я и не целилась вовсе...

– Что?! Так ведь... Да ты понимаешь, что могла...? Ну... ну ты даешь!!!

Крыся метнула на сталкера испуганный, даже какой-то загнанный взгляд, опасливо отодвинулась, опустила голову и прерывисто шмыгнула носом, явно налаживаясь снова зареветь.

– Я же... – расслышал Восток ее бормотание. – Я же не нарочно... – новый всхлип. – Они же... Я... я их боюсь!!!

И крысишка, спрятав лицо в ладонях, быстро, точно стыдясь своей слабости и слез, отвернулась от сталкера носом в угол. Плечи ее мелко задрожали.

Ну вот опять! И что прикажете ему делать с этим экзальтированным, как персонаж довоенной японской мультипликации, существом, которое чуть что – сразу в рев?..

Ох, горе ты луковое, чудо чумазое...

– Знаешь, – тихо приблизившись к скавенке, Восток чуть помедлил и... осторожно приобнял ее за худенькие вздрагивающие плечики. Девушка тут же дернулась и напряглась, словно пружина, но не отстранилась. Только съежилась серым комочком. – Если это тебя утешит, я тоже их боюсь. До жути боюсь этих тварей.

Словно спохватившись от проявления такой несвойственной ему нежности, сталкер отстранился и сухо произнес:

– Гадость какая – эти пауки!

Он бы и сплюнул брезгливо, но в последний момент вспомнил, что на нем противогаз, и только тихонько ругнулся про себя.

...Крыся испуганно содрогнулась и сжалась, когда ее коснулись чужие руки – руки человека! Но... против всякого ожидания эти руки не причинили ей боли. Человек... обнял ее! Мягко, осторожно и, пожалуй, даже... нежно? Девушка вскинула на сталкера растерянный и удивленный взгляд, но он уже отстранился от нее.

Почему-то скавенка почувствовала... сожаление. И грусть. Нежность, ласка... Она уже и не помнила, когда такое случалось в ее жизни. Тем более – чтобы так поступал с ней кто-то из мужчин ее станции! Девчонкой была – на нее, *грязнокровку*, вообще внимания не обращали, разве что если под ноги не вовремя попадалась. Тогда – просто небрежно или нетерпеливо отпихивали с дороги. В лучшем случае. Выросла – стали замечать, подкарауливать в темных углах... Только вот обращение осталось почти прежним.

Некоторое время Крыся, склонив набок голову, во все глаза смотрела на сталкера – удивленно, недоверчиво, испытующе... А потом медленно, словно не веря своим ощущениям, проговорила:

– А ты... не страшный... Хотя и человек...

Холодные стеклянные «глаза» на резиновой хоботастой «морде» некоторое время столь же испытующе смотрели на Крысю, словно сталкер раздумывал, стоит ли доверять этой мутантке содержимое скрытой за стеклами души. Наконец человек вздохнул и тихо произнес:

– Ты тоже, оказывается... не страшная... Хотя и мутантка.

Крыся моргнула... Потом преувеличенно внимательно оглядела себя, зачем-то посмотрела себе за спину...

– А ты что, думал, что мы все – рогатые, хвостатые и «сто пудов копытатые»? Да ты вообще когда-нибудь хоть одного скавена видел?

– Кого? – удивился сталкер. – Как ты сказала? Скавена? А это кто?

Девушка склонила набок голову и посмотрела на него с каким-то вековым сожалением. Как добрая, но строгая учительница – на двоечника.

– Ну конечно... – пробурчала она. – «Крысюки» для вас куда понятнее!.. Но мы – скавены! И точка!

– Скавены... – снова повторил сталкер, будто пробуя незнакомое слово на вкус и пытаясь определить, нравится ему этот вкус или нет. – Странное название, – наконец подвел он итог своим размышлениям, судя по всему так и не придя к окончательному решению. – Почему скавены? У нас вот, например, вас не только крысюками – еще ратманами зовут. Хотя это, в общем, одно и то же...

Он снова помедлил и вдруг спросил:

– Тебя-то как зовут, крысюха-горюха?

– Сам ты... крысюх!.. – недобро показала зубки девушка. – Не любим мы, когда нас так называют! Заруби себе на носу... или хотя бы на этом вот шланге!.. – она снова гневно фыркнула, но все же соизволила снизить до объяснения:

– А «скавенами» называться еще давно один парень придумал с Отрадного. Когда мы только начали становиться... такими... Говорят, это из какой-то коп... ком... ком-пью-терной, – старательно, по слогам, произнесла она, – игры слово. Ну, я не знаю, меня тогда не было еще. Скавены – и скавены. Все же лучше, чем ваши «крысюки» или эти... «ратманы»... Вот же придумают... Мы же вас обезьянами не называем!

– А что? – девушка могла поклясться, что резиновое «пугало» ей подмигнуло. – Думаешь, мы не обезьяны? – в голосе сталкера прорезались ироничные нотки. – Еще какие обезьяны! Вездесущие, непоседливые, любопытные, – он покачал головой. – Да уж, любопыт-

ные, это точно. Из любопытства собственное дерево подожгли и не заметили, пока у самих хвосты не задымились.

И, заметив округлившиеся от удивления глаза девушки, добавил:

– Это я так. Аллегорически, так сказать, выражаюсь. Не понимаешь? – скавенка помотала головой. – Ну, иносказательно. Мы – обезьяны, а мир – это дерево, на котором мы сидим, – он развел руками. – Точнее, сидели. Пока не подпалили его сами ко всем чертям. Такая вот ботва.

Сталкер немного помолчал и снова посмотрел на девушку.

– Ты так и не сказала, как тебя зовут.

– А никак не зовут! – скавенка поймала его удивленный взгляд и, тихонько вздохнув, не слишком охотно пояснила:

– Я же *грязнокровка*, нам имен не полагается. Впрочем, когда надо – зовут Крысей. Нас всех так зовут – которые без имен.

Она единым гибким движением поднялась, извлекла из-за одного из целых стеллажей потрепанный школьный рюкзачок и затолкала туда самиздатовский томик и сломанный фонарик. Восток отметил, что рюкзачок уже был наполовину забит книгами и выглядел довольно увесисто.

– А у тебя самого-то есть имя? – вдруг повернулась к нему скавенка.

Сталкер оторвался от изучения ножа, вынутого им из фильтрующей банки противогаза, покосился на мутантку, немного помолчал и, наконец, ответил:

– Восток.

– Что? – удивилась скавенка, – Восток? Странное имя. Это же вроде как направление такое, да? Или место? Я в книгах читала, только не поняла до конца. Там написано, что раньше, ну, до того как все разбомбили, кто-то жил на Востоке. А еще читала, что на Восток ходили люди. – Крыся подумала и добавила: – А у нас один есть... Так он любит говорить: «Восток – дело тонкое». А вот тебя зовут, значит, так? Мне казалось, у людей другие имена... У нас, например, у многих людские имена сохранились. И даже фамилии!

Она пожала плечами и сказала, вроде как ни к кому не обращаясь:

– Странно... А ты меня не обманываешь, человек? Тебя точно так зовут? – подозрительно поглядела она на Востока.

– Так и зовут, – подтвердил сталкер. Некоторое время он смотрел, склонив голову набок, на скавенку, а потом проговорил:

– Но ты права, это не совсем имя. Скорее, прозвище мое. Было когда-то... Это оно потом... стало именем. – Восток вздохнул и продолжил: – Раньше и имя у меня было человеческое, и фамилия. Все было... раньше...

Он надолго замолчал и застыл, устремив взгляд неподвижных стеклянных «глаз» куда-то вдаль, словно видел там ту, прошлую жизнь, в которой у него еще было имя, данное при рождении.

– А потом? – тихо спросила девушка, когда пауза слишком затянулась.

Сталкер вздрогнул, как будто вопрос скавенки неожиданно вернул его откуда-то очень издалека.

– Потом? – проговорил он глухо. – У меня не было «потом».

И, словно подводя черту под этим странным проявлением ностальгии, продолжил уже с привычной иронией:

– И потом, ты же сама говорила: «Восток – дело тонкое». Так что... – он развел руками. – Восток... я и есть Восток.

И, четко, по-военному щелкнув каблуками и коротко кивнув, произнес:

– Мадемуазель Крыся, сталкер Восток к вашим услугам!

Это было сказано очень серьезным тоном, но девушке снова показалось, что сталкер подмигивает ей. А он продолжал:

– Простите, что не снимаю шляпу, сударыня, за отсутствием оной, но не соблаговолите ли вы посоветовать мне, куда здесь можно укрыться от взгляда ясноликого дневного светила? Потому как перспективы добраться до Медведково за оставшееся до рассвета время представляются мне весьма туманными.

Слова сталкера были непривычны слуху Крыси, привыкшей к куда более простому и полному весьма энергичных речевых оборотов языку, на котором общались многие ее соплеменники. К тому же лицо его было скрыто противогазом, и девушка никак не могла понять, шутит он или говорит серьезно.

Однако скавенка пропустила мимо ушей эту велеречивость. Она вдруг подпрыгнула на месте, схватила за голову и с отчаянием взвыла:

– Ччччеррт!!! Как я забыла... Рассвет же!!!..

В следующий миг она сорвалась с места, на ходу вдеваясь в свой рюкзачок. При этом она сквозь зубы ругалась на каком-то незнакомом Востоку языке, судя по звучанию – явно откуда-то из... Юго-Восточной Азии. Впрочем, внешность скавенки – миниатюрное хрупкое телосложение, чуть раскосые глаза и желтоватая кожа – позволяли думать о наличии какого-то процента южноазиатской крови в ее жилах.

Думать, впрочем, было некогда. Сталкер, чуть помешкав, кинулся следом за крысишкой. Та уже выбиралась сквозь разбитое окно.

Увидев, что человек решил последовать ее примеру и спастись бегством, она кивнула и оскалилась в недоброй улыбке.

– Ну скорее же ты там!!! – нетерпеливо прикрикнула она на замешкавшегося сталкера. – Не успеем же! А, черт, лаз замаскировать не успею... Все ты! И откуда только взялся...

Восток счел за благо помолчать. Потому что сообразил, что теперь его жизнь будет зависеть от благосклонности этого создания. Она же местная, наверняка знает всякие укрытия, лазейки... Хорошо было бы, если б знала!

Крыся огляделась, кинула тревожный взгляд на начавшее розоветь небо, одернула свою безрукавку и, вцепившись в лямки рюкзака, бросилась бежать по растрескавшемуся тротуару. На человека она уже не обращала никакого внимания.

До станции было не так уж и далеко, но вот успеет ли она добежать с таким грузом?..

– А разве вы боитесь солнечных лучей? – вдруг раздалось за спиной сквозь топот и противогазное сипение. Человек ее все-таки догнал! – Ты же вот безо всякой защиты от радиации ходишь, а...

– Какого хрена ты за мной увязался? – не сбавляя бега, злобно рывкнула Крыся. – Иди своей дорогой! Ну? Прочь! Уходи!

– Не могу! – тоже огрызнулся в ответ Восток. Но потом смягчил тон. – Я не дойду до ближайшей людской станции – твой нож повредил фильтр. А местность эту я знаю плохо. И не представляю, где можно укрыться до вечера...

Хотя фильтр и был поврежден, но дышать и говорить на бегу все равно было тяжело. Лицо взмокло от пота, резина противогаза неприятно прилипла к разгоряченной коже.

– Крыся, я вынужден... просить тебя... о помощи!.. – выдохнул сталкер между двумя головоломными прыжками через поваленную оградку придорожного газона и кучу какого-то древнего мусора.

– Что?..

Скавенка настолько не ожидала такой просьбы от человека, что резко затормозила. Восток едва не сбил ее с ног. Им пришлось крепко ухватиться друг за друга, чтобы не упасть.

Правда, они оба тут же отдернули руки и отпрянули один от другого, словно от чего-то неприятного.

– Помощь?.. – растерялась Крыся. – Я?.. Тебе... челове...ку?..

– Помоги мне, прошу тебя! Ты же наверняка здесь знаешь какие-то укромные местечки? Я в долгу не останусь, не сомневайся!

Крыся хотела что-то сказать, но тут ее взгляд упал на яркое утреннее небо.

– Бежи-и-и-им!!! – взвизгнула она, схватила Востока за руку и поволокла за собой. – Да скинь ты этот хобот, все равно от него уже никакого толку!

Сталкер и сам уже подумывал избавиться от противогаза. Останавливало только то, что вокруг был отнюдь не лесной озончик и что без маски он нахватается... А впрочем, он УЖЕ нахватался зараженного воздуха. Фильтр-то не фурычит!

Подбодрив себя мыслью о первых сталкерах Метро, выходивших Наверх чуть ли не вообще безо всякой защиты и в первые дни после Удара, когда радиация была не в пример сильнее, а пыль, поднятая ударной волной, – не в пример гуще, чем ныне, Восток стащил с головы противогаз.

В мокрое разгоряченное лицо ударил свежий ветер, принес с собой привычные, но уже изрядно подзабытые запахи города, опавшей листвы, осени... Восток едва не задохнулся, ему вдруг остро захотелось послать все к чертям, остановиться и пить, пить этот воздух, наплевав на его смертоносность... Господи... как же давно он не дышал воздухом поверхности – вот так, безо всяких масок и фильтров!..

Резкий рывок за руку вернул его к действительности.

– Не спи!!! – прикрикнула Крыся. Она уже тоже дышала с трудом, набитый книгами рюкзак пригибал ее к земле. – Недолго уже...

И они снова припустили вдоль по улице.

Глава 5

Подземные похождения

«...Помимо черных, желтых и белых скавенов есть еще скавены-полукровки. Отношение к ним в разных общинах разное. Бибиревские и отрадненские не придают этому значения, алтуфьевским, по-моему, пофиг – у них там кого только нет! Владыкинские к полукровкам относятся достаточно терпимо, а вот у нас на Петровско-Разумовской... В общем, положение полукровок тут – куда хуже, чем у рабов. Особенно если в их жилах нет ни капли крови черных скавенов. Таких здесь называют грязнокровками, и я слышала, что название это пришло из какой-то старой книги про волшебников. Моя мать была желтым скавеном с Петровско-Разумовской, а отец – белым с какой-то другой (я не знаю какой) станции. Правда, они были вместе совсем недолго, она знает только его имя – Стас, и то, что он был из добытчиков, и на нашей станции оказался, так сказать, мимоходом. Потом он ушел, и больше она его никогда не видела. Потом родилась я, а еще через какое-то время моя мать – довольно еще молодая и красивая женщина – приглянулась одному из Хамроевых, и он сделал ее своей личной наложницей, а потом и женой. Теперь она живет в его покоях, в сытости и довольстве... недавно родила ему еще одного сына... Я же была отправлена в рабские клетушки под платформой. Впрочем, рабыней я не считаюсь. Я свободна, но я ниже, чем рабыня. Я – грязнокровка. У меня даже имени нет, все называют меня Крысей. Они всех молодых грязнокровок так называют – во всяком случае, пока те не совершат для общины что-то такое значительное, что даст им право на личное имя и пусть скромное, но хоть какое-то место в ней. Грязнокровок – помимо меня – в Эмирате еще четверо: парнишка чуть моложе меня, мальчик десяти и две девочки семи и двенадцати лет соответственно. Какая судьба их ждет?..

...Я не осуждаю свою мать – в конце концов, каждый здесь, Внизу, выживает, как может. Мои бибиревские друзья, зная о моем положении, неоднократно предлагали мне переселиться к ним, но как я брошу мать? Несмотря на то, что у нее есть дети от хозяина, она все равно одинока. Я иногда навещаю ее – тайно, чтобы никто не видел, она угощает меня разными лакомствами и плачет...

...Жены, дочери и наложницы хозяев очень любят золотые украшения. И хотят иметь их много. Правда, мне это непонятно – зачем им драгоценности? Сейчас в цене еда, лекарства и патроны, а не бесполезные побрякушки. Но, раз им надо – пусть играют! Я хожу Наверх, отыскиваю заброшенные магазины с надписью «Ювелирный» и ношу им оттуда всякие блестящие цацки. Они за это дают мне еду. Тем и живу. Одежду и прочие вещи я сама себе добываю. В конце концов, в положении грязнокровки есть немало преимуществ: ты никому не нужна, за тобой не следят, и никому нет дела, где тебя носит и что с тобой происходит! Свобода, короче! Пользуясь этими преимуществами, я даже устроила себе личную нору в одном из бывших технических ходов. Обнаружила там какой-то просторный чуланчик, натаскала туда всякой утвари и теперь довольно часто там ночую. А что – хорошо! Главное – чтобы никто не обнаружил мой домик, но я всегда очень осторожна.

...Добытчики ходят Наверх через шлюзы-калитки в станционных гермоворотах, я – через выходящие на поверхность технические ходы и немногие известные мне люки и лазы (в основном, через вентиляхты и кабельные коллекторы). В свое время, предоставленная сама себе, я облазила чуть ли не половину нашей Линии и нашла много интересного и полезного. Но черта с два я кому-то расскажу о моих лазейках! Хотя, конечно, эти мои похождения очень рискованны – Наверху теперь полным-полно опасных существ, каждый раз нужно быть предельно осторожной. Да и в подземельях очень просто заблудиться, свалиться

куда-нибудь, а то и вовсе потонуть. Чтобы этого не случилось, я всегда ношу с собой моток бечевки, мел и – если повезет достать – баллончик с краской, а все мои нахоженные пути помечены особыми знаками, по которым я и ориентируюсь. Кроме того, мне приходится прятаться и от большинства добытчиков Эмирата, и от захожих алтуфьевских... А еще же и люди посылают Наверх своих добытчиков-сталкеров – эти тем более опасны для меня! Особенно те, что с Тимирязевской. Говорят, они ловят себе рабов и заставляют их копать какую-то огромную яму. А тех, кто им сопротивляется, мучают и приносят в жертву своему божеству. Но мне пока везет, меня еще никому из них не удалось почуять или увидеть – я хорошо умею прятаться!

А еще – помимо утвари и драгоценностей – я ношу Вниз... книги. Но это только для меня и тех немногих, кому они нужны. В основном мои заказчики живут в Бибиреве и Отрадном. К примеру, учительница Ольга Петровна и ее муж, Игорь Сергеевич, тоже учитель, – самые страстные читатели. Кстати, поначалу они жили на Петровско-Разумовской и только потом ушли оттуда. И это они научили меня читать, писать, считать и понимать, что хорошо, а что плохо, – когда я была еще девчонкой. Они же (большей частью, Ольга Петровна) и воспитали меня. Не мать. Чужие мне лю *зачеркнуто* мужчина и женщина. Все, чем я сейчас являюсь, – это их заслуга, за что я им всегда буду благодарна. Они, кажется, тоже успели привязаться ко мне. У них Наверху осталась дочь, они как раз ехали к ней на День Рождения (это праздник такой), когда грянул Удар... Милые, трогательные, гордые и глубоко порядочные старики, как же я их люблю, и как же мне их жаль! Но я не могу уйти жить к ним – я не брошу мать. Вот если бы она согласилась уйти со мной в Бибирево, но ведь она же не согласится – ее хозяин любит ее, да еще дети...

...Недавно на меня начал обращать внимание один из молодых отпрысков клана Ганджабовых. Постоянно норовит где-нибудь подстеречь, прижать к стене, потискать... Говорит, что я красивая – хоть и грязнокровка, что сделает меня своей наложницей, буду у него как сыр в масле кататься (это в каком же смысле???), шелка и драгоценности носить, каждый день мясо кушать... Ха, можно подумать, это не я им эти шелка и драгоценности добываю! Захотела бы – так обмоталась и увешалась ими с ног до головы, куда там этим знатым женщинам!..

Стараюсь теперь как можно реже бывать на виду. У него же еще куча братьев, дружки... Зазеваешься – поймают, притащат ему, и прости-прощай, свобода! Нет уж, не надо мне такого «счастья»!

...Похоже, перспектива переселения в Бибирево маячит передо мной все отчетливее и отчетливее. Но как же моя мать?..»

(Из старого, конца 2020-х гг, дневника Крыси).

* * *

Вскоре Восток обнаружил, что бегут они вовсе не к одному из вестибюлей Бибирева – чего вполне можно было ожидать, – а куда-то в сторону. Поразмыслив, он пришел к выводу, что, скорее всего, крысишка тащит его к какому-нибудь убежищу.

Ну правильно, а кто его – человека, врага! – пустит в самое сердце владений своего вида? Восток, будь он на месте скавенки, тоже не стал бы рисковать безопасностью соплеменников.

– Сюда! – Крыся свернула в какой-то неприметный переулочек и бросилась к... канализационному люку. Упав на колени, она отчаянно пыталась приподнять и сдвинуть чугунную крышку. Работа была явно не по ее силенкам!

– Ну что стоишь, помогай!!! – нервно воскликнула она, поглядывая на небо.

Восток кинулся на помощь. Вдвоем они приподняли и отодвинули крышку. Из открывшейся черной дыры, казалось, тянуло неизвестностью и опасностью.

Крыся скинула рюкзак и немедленно отправила его в люк. Почти сразу они услышали внизу глухой шлепок. Скавенка чуть помедлила, а потом приказала Востоку:

– Лезь за мной!

И тут же юркнула вниз, вслед за рюкзаком.

– Лезь, говорю! – глухо раздался ее нетерпеливый вопль. – Жить расхотелось?!

Сталкер чертыхнулся и прыгнул за ней.

Оказалось, что спускаться в люк надо было по железной лесенке, и об нее он немедленно ударился грудью и ногами. Восток едва успел схватиться за перекладины, чтоб не сверзиться вниз.

– Крышку закрой, дубина! – раздался из-под ног сердитый возглас.

Сталкер, спохватившись, чуть приподнялся и, напрягая силы, потянул чугунный блин.

Закрывая люк, он успел увидеть, как из-за домов брызнули ослепительные лучи когда-то ласкового и родного, а теперь – из-за истонченного озонового слоя над Москвой – опасного и беспощадного солнца.

«Успели!» – мысленно порадовался он и буквально ссыпался вниз по лесенке...

И тут же врезался во что-то мягкое, живое, теплое. В крошечной темноте раздалось пронзительно-негодующее «и-и-и-и!!!», словно обычной крысе хвост отдавили, и девушка-крысук – уже в который раз – рухнула под тяжестью его тела на свой рюкзак.

– Под ноги смотреть кто будет? – тут же скандально взвыла она. – Пушкин?

И почему-то от этой вот совершенно человеческой, из прошлой жизни, фразы, да еще от сознания того, что им удалось спастись от смертоносных лучей, Востоку вдруг стало легко и весело. Он засмеялся – сперва негромко и сдержанно, а потом – все громче и свободнее.

– Ну вот чего он ржет, как конь тыгдымский? – с поистине вселенской обидой осведомился у темноты голосок крысишки.

Тыгдымское непарнокопытное добило сталкера окончательно. Он сполз с пытающейся освободиться девушки и пуще прежнего залился смехом.

Вскоре, глядя на него, зафыркала и Крыся. Через некоторое время смеялись оба – с облегчением, взхлеб, задыхаясь.

– Хватит... – простонала скавенка. – Я уже... дышать не могу...

Она без сил распласталась на влажном полу, обняв рюкзак. После такой беготни, да еще смеяться...

Восток расслабленно откинулся на стенку шахты, провел тыльной стороной ладони по мокрой, обритой наголо макушке (во имя гигиены и удобства многие сталкеры предпочитали лаконичные прически – «ежик» или вообще под ноль). Да уж, вот это пробежка!..

– Солнце взошло – счел нужным сообщить он. – Мы успели. Спасибо тебе!

– Угу... – отозвалась скавенка, с трудом переводя дыхание.

– Что дальше? – поинтересовался сталкер. – Сидим тут до вечера?

Ох, как ему не хотелось в это верить!..

– Не... Сейчас... передохнем и дальше... двинемся.

– Дальше?

– Ну кто-то ведь хотел в «Медведково» попасть?

Восток даже растерялся от ее слов! Он просил ее только помочь спрятаться от солнца, но не провожать до нужной станции.

– Ты что, собираешься меня туда довести? – поразился он. – Но...

– Ведь я же испортила твой противогаз? Испортила! Ну вот и...

Сталкер проглотил следующую фразу. Он был удивлен, ошарашен, растерян. Только что ведь он сам думал о том, что «долг платежом красен». Но по рассказам знающих вышло, что для крысюков этот принцип – пустой звук...

Выходит, не для всех?

«Как же мы мало о них знаем!..» – опечалился он.

Послышался шорох, взвизг «молнии» – Крыся что-то доставала из рюкзака.

– Пить хочешь? – неожиданно для Востока спросила она. – У меня вода есть, а то после такой гонки в горле совсем пересохло!

Скрипнула, отвинчиваясь, жестяная крышечка, кажется стандартной армейской фляги, послышалось глухое бульканье в металлических недрах.

– Спасибо, у меня тоже есть вода.

От мысли, что, не будь он сам таким запасливым, ему пришлось бы пить из одной с мутанткой фляги неизвестно какого качества воду, Востоку едва не поплохело, но он сердито одернул себя: еще неизвестно, как все обернется!

«Ну, если что – последуем примеру Лоуренса Аравийского! – усмехнулся про себя сталкер. – Кофе с бедуинами неизвестно из какой воды, из отродясь не мытых чашек... И будем уповать на скрытые резервы организма!»

Он тоже достал свою фляжку, сделал глоток, прополоскал рот. Сразу стало легче.

– Отдохнул? – немного погодя спросила Крыся. – Пора идти.

Сталкер перекинул вперед автомат и включил подствольный фонарь. Луч высветил Крысю, которая вдруг пискнула и резко отвернулась, заслоня ладонями лицо.

– Не свети на меня! – вскрикнула она. – Больно...

– Извини! – сталкер немедленно направил луч в пол. – Ты не переносишь света?

Он вспомнил, что еще в библиотеке девушка постоянно болезненно щурилась от луча его фонаря.

– Скавены – дети подземелий, – помолчав, ответила крысишка. – Яркий свет нам неприятен.

– А! Так вот почему ты тоже избегаешь солнца? – догадался Восток.

Крыся кивнула.

– Я не хочу, чтобы оно выжгло мне глаза... Я слышала, раньше, когда все было по-другому, на солнце можно было смотреть, и даже долго лежать под его лучами... как это?.. Угорать?

– Загорать, – машинально поправил сталкер. – То есть, делать свою кожу более темного оттенка.

– Зачем?

– Ну... считалось, что так ты красивее и здоровее выглядишь.

Крыся поежилась и опасливо покосилась вверх.

– Нет уж... лучше так, как есть...

– Да, – согласился Восток, с трудом отгоняя непрошенные воспоминания. – Сейчас, под ЭТИМ солнышком, лучше не загорать!

Крыся кивнула, и воцарилась пауза. А потом Восток вспомнил, что рассказывали сталкеры. И решил узнать правду, так сказать, из первых уст.

– Скажи, – начал он, – а вот я слышал, что вы, скавены, приносите пленных людей в жертву солнцу. Привязываете Наверху к чему-нибудь и оставляете до восхода. Это... правда?

Крыся вздрогнула, втянула голову в плечи и зачем-то опасливо огляделась.

– Не надо о них... – тревожно прошептала она.

– О ком? – не понял Восток.

– Об алтуфьевских... – голос крысишки дрогнул, да и сама она казалась не на шутку испуганной. – Это их обычай... Только... они не только людей приносят в жертву, но и своих

соплеменников тоже... Кого в плен захватят или похитят... Натешатся вволю и... Не надо о них, не накликай!

Она снова зябко вздрогнула и обхватила себя руками за плечи, словно от холода. Прислонилась к стене и совсем сникла.

– Даже я в их края боюсь ходить, а ведь я столько тайных лазов и путей знаю...

– Надо же, – в голосе человека прозвучало совершенно искреннее удивление. – А вы, оказывается, гораздо больше похожи на людей, чем о вас думают.

– О чем ты? – не поняла Крыся.

– О том, что вы унаследовали от своих человеческих предков одну из самых наших главных способностей, – губы сталкера искривились в горькой усмешке. – Вы тоже убиваете себе подобных.

Он покачал головой и закончил:

– И, судя по твоей реакции, вы в этом явно преуспели.

На время в коллекторе воцарилась тишина. Скавенка переваривала сказанное сталкером, а сам он только сейчас начал осознавать всю странность положения, в которое попал. Ведь он шел на север Москвы не развлекать молоденькую крысишку и не распивать с ней воду из помятых фляжек, сидя на полу невесть какого богом забытого лаза в канализацию. Он пришел затем, чтобы поймать и доставить ученым живой образец *homo-rattus sapiens*, получить свои две тысячи патронов и зажечь припеваючи где-нибудь на Ганзе.

Так что сейчас самым разумным и логичным было бы осторожно, не привлекая внимания скавенки, достать из-за уха маленький пластмассовый шприц-тюбик, незаметно приклеенный там кусочком телесного цвета пластыря. В нем находилась вытяжка из корня какого-то растения, названия которого Восток не знал, да и не старался запомнить. Для него было важно другое: имеющейся дозы этой дряни было достаточно, чтобы любого, даже самого здорового амбала мгновенно отправить в страну сновидений минимум на двенадцать часов. Уколом этого шприца (или – если что-то пойдет не так – одного из резервных, спрятанных в других местах) сталкер должен был усыпить захваченного крысюка и доставить его своим «яйцеголовым». О том, что будет дальше с захваченным таким образом «живым образцом», Восток не думал. Да и с какой стати ему было думать о том, как и каким образом будут потрошить злополучного крысюка ученые в своих лабораториях? Для него ратманы все были на одно лицо, все – кровожадные мутанты, в которых нет ничего человеческого.

А вот теперь... Восток поймал себя на дикой мысли, что еще в библиотеке, когда он свалился на молодую скавенку, и потом, когда понял, что перед ним – крысюковская девушка, в его душе шевельнулось какое-то чувство, что-то очень давно и очень старательно забытое им много лет назад.

«Я и... эта... – рассеянно подумал он. – Бред какой-то...»

Мысль, медленно кружившаяся где-то на границе его сознания, давно не давала сталкеру покоя. Какой-то вопрос, не слишком важный, но никак не желавший уходить.

«Интересно... А если бы мы... с ней... Нет, ну я явно схожу с ума!.. Если бы мы с ней... Интересно, а какие бы получились детишки? Маленькие, зубастенькие, хвостатенькие...»

Внезапно сталкер понял, что за вопрос так долго волновал его. Это было как-то очень глупо и до ужаса нелепо, но Восток не мог удержаться.

– Можно спросить? – обратился он к скавенке. Девушка оторвалась от задумчивого созерцания туннельной черноты и, вопросительно склонив, повернула голову к человеку.

– Что?

– А у вас... – Востоку вдруг стало до жути неловко, словно он собирался спросить о чем-то невероятно личном, почти интимном. – У вас это...

– Ну что? – Крысю уже саму заинтриговала эта таинственность.

– У вас... у кры... у скавенов, в общем, у вас... хвосты есть? – наконец выпалил сталкер и снова – уже во второй раз за сегодня – почувствовал, как краска приливает к его лицу. «Хорошо, что темно! – подумал он. – Да что это? Красною, как мальчишка!»

– Что?.. – от такого вопроса Крыся даже растерялась. – Хвосты?!..

Она посмотрела сперва на человека, затем зачем-то огляделась вокруг, словно сомневалась, не скрываются ли в темноте зрители, ради которых и затеян весь этот балаган. Наконец ее взгляд снова вернулся к сталкеру.

– Нету... – она помедлила. – Нет у нас хвостов. По крайней мере у меня нет, – добавила она, – да и у других как-то не замечала... Правда, я и не смотрела.

– Нет? – Восток чувствовал себя донельзя глупо. Еще глупее было только переспросить. – Правда нет?

Он подозрительно посмотрел на Крысю так, словно у нее в любую минуту мог отрасти длиннющий ворсистый хвост.

– Да правда нет!.. Но тебе придется поверить на слово! – добавила она, строго подняв указательный палец.

– Да? А почему? – Восток снова подозрительно заглянул за Крысю, словно все еще надеялся увидеть там извивающийся хвост. Та слегка отодвинулась от него к стене.

– Почему? А ты как себе это представляешь? – проговорила она с уже знакомыми склочными интонациями. – Прямо здесь тебе стриптиз устроить или сначала доставить на станцию?

Девушка в очередной раз негодуя фыркнула и отвернулась, покусывая нижнюю губу. Но Восток заметил даже в темноте, что кожа на ее щеках как-то потемнела. Румянец? Кажется... крысишка смущена?

– Нет у нас хвостов, – проворчала Крыся. – Уж прости, если разочаровала...

Сталкер не нашелся что ответить и только смущенно развел руками, мол, вот... ну так получилось.

– Кстати, о хвостах, – продолжила Крыся через некоторое время уже более спокойным тоном. – Надо подумать, как бы нам незаметно просочиться по туннелям. Просто пройти через наши станции нельзя. Тебя, человек, там просто грохнут, и не спросят, как звали. А за тобой следом и меня могут. Чтобы не водила к нам кого ни попадя... Ладно-ладно, – примирительно продолжила она, когда Восток недовольно засопел в ответ на такое определение, – я верю, что ты у нас – уникальный представитель человеческой породы, с которым можно иметь дело. Но на наши станции тебе все равно нельзя. И приближаться к ним тоже не стоит, можно на патрули наткнуться. Как же быть?

Она задумалась, забавно приложив указательный палец к чуть приподнятой верхней губе. В свете фонаря блеснули мелкие зубки с характерно выдающимися вперед резцами.

– А что, оковых путей нет? – осторожно поинтересовался Восток. – Ну там, через технические туннели, кабельные каналы или вентиляцию? Или ты их не знаешь?

– Есть... – рассеянно отозвалась крысишка. – И я их дофига знаю... Не мешай – я как раз думаю, как идти.

В коллекторе воцарилась тишина, нарушаемая лишь редким «кап-кап» из какой-то трубы да неким еле уловимым далеким шумом.

– Так... – спустя минут десять проронила Крыся. – Вроде, путь намечен, вот только...

– Что?

– Там в одном месте все-таки придется пройти по туннелю. Между Отрадным и Биби-ревым. Метров с полста до нужного лаза. Места не сказать, что сильно посещаемые, но там время от времени патрули появляются. А других путей нет.

– Может, как-нибудь сумеем просочиться?

– Может, и сумеем... – задумчиво кивнула скавенка. – Если зевлом щелкать никто не будет... – она встала и решительно надела свой рюкзачок. – Ладно, хорош отдыхать, пошли. Держись за мной и не отставай. Ходы на этом участке пока что чистые, но оболящаться все равно не советую... Кстати, автомат убери. Он тебе тут не нужен.

– Да сейчас! – тут же возмутился сталкер. – А чем отбиваться – если не дай бог что?

– Ножом отобьешься! – отрезала крысишка. – Или прикладом! Хочешь добратся до своего Медведкова в целости и сохранности? Тогда соображай, что любой подозрительный звук непременно обратит на себя внимание патрулей. А уж тем более – автоматная очередь здесь, в подземельях!.. Кстати, верни мне мой нож!

Восток проглотил новую гневную тираду. В общем-то, девчонка была права: шуметь им сейчас противопоказано. Но ее замашки раздражали не на шутку.

– Фонарь-то я хоть могу оставить? – буркнул он.

– Можешь. Но когда я скажу – будешь его отключать.

– Слушаюсь, мэ... – голос сталкера стал совсем мрачным. Восток отдал злополучный нож, отмотал скотч и отцепил от дула фонарь. Автомат же (с немалым сожалением) задвинул за спину. Покосился на Крысин «уже не подводный» игломет. Та перехватила его взгляд и насупилась:

– Даже не думай! Не дам! Самой нужен!

«Ну да, так я тебе – человеку – и отдала свое оружие!» – явственно читалось в ее тоне и на лице, и Восток вынужденно признал: на ее бы месте он тоже не стал совершать такую глупость – доверять любимое оружие представителю враждебного племени.

– Как хочешь, – обронил он, давая раздражение от командирского тона и самоуверенных манер мутантки. Чтобы утешить задетое самолюбие, он представил, как доберется до Медведкова, достанет припрятанный шприц со снотворным... Рука непроизвольно потянулась к тайнику за ухом. Эта крысенка уж точно не вернется к своей стае, а он – выполнит задание и заживет, ни в чем не нуждаясь. Будет выходить Наверх только развеяться, да новых книжек набрать!

– Чего стоим? – поинтересовалась крысишка. – Кого ждем?

– Да! – спохватился сталкер. – Извини, задумался. Идем.

Крыся коротко кивнула и уверенно полезла в круглое отверстие в стене коммуникации.

Глава 6

Попались!

Как ни старался Восток, но так и не смог даже приблизительно сориентироваться, куда и как они шли, лезли, ползли. Бесконечная череда узких и широких ходов, разнокалиберные лазы или попросту проломы в стенах, какие-то подземные залы, колодцы, целые потоки... Крыся уверенно – сразу видно, неоднократно здесь бывала! – вела его все дальше и дальше, ориентируясь по каким-то только ей ведомым и видимым знакам. Если бы не часы, показывающие, что с момента их прыжка в люк прошло всего-то часа два, сталкер мог бы поклясться, что путешествуют они по этим невообразимым городским катакомбам целую вечность. Время от времени Крыся останавливалась, жестом приказывала ему потушить фонарь и напряженно вслушивалась в давящую тишину вокруг них. Восток заметил, что она не только слушает пространство, но и вынюхивает – совсем как животное. Ее маленький, уже слегка нечеловеческий носик шевелился, вбирая в себя запахи подземелий и сообщая хозяйке какую-то нужную информацию. Один раз Крыся уж больно долго таким образом – на слух и нюх – изучала пространство, а потом охнула и чуть ли не пинками погнала Востока назад, затолкала в какую-то низкую нишу, ужом втиснулась сама, и они замерли, лежа на влажном холодном полу.

– Что там? – шепнул Восток, безуспешно стараясь рассмотреть хоть что-то в крошечной тьме катакомбы. Дополнительную неловкость доставлял еще и тот факт, что они снова оказались плотно прижатыми друг к другу, но иначе в этой норе было никак не уместиться.

Крыся еле слышно шикнула на него и застыла, едва дыша.

Очень скоро Восток услышал там, куда они шли, какое-то сопение и равномерный скрежет, смахивающий на клацанье когтей по полу. В их сторону явно направлялось какое-то весьма серьезное существо.

Сталкер привычно потянулся за автоматом, но, вспомнив о предостережении проводницы насчет стрельбы, поскуцнел и вынул один из своих ножей (их в одежде сталкера пряталось несколько). Крыся изготовила игломет.

Сопение и скрежет когтей приближались. До ноздрей Востока долетел запах существа, и он узнал его.

Крыса-великан, из тех, чьими размерами пугали впечатлительных москвичей газеты еще задолго до Удара. Мол, метр в холке и три метра от носа до кончика хвоста... Востоку редко, но приходилось встречаться с такими. Три – не три, но около метра от носа до задницы некоторые экземпляры составляли. И неизвестно, с кем предпочтительнее иметь дело – со стаей обычных туннельных крыс или же с одним, но разросшимся до размеров ротвейлера зверем. Мутанты все-таки были куда злее и хитрее своих обычных собратьев.

Кажется, подобные «зверюшки» некогда и напали на здешние станции, уничтожив часть населения и... дав начало племени скавенов!

Так что с полным правом теперь можно было сказать, что сейчас к ним приближался Крысин дальний родственник!

Зверь почему-то остановился, довольно прилично не доходя до их спасительной ниши. Сопение перешло в фыркание – зверь что-то обнюхивал. Их следы – понял Восток.

Плохо дело.

Он подумал, что если придется – то он пустит в ход автомат, что бы там Крыся ни говорила о режиме секретности. Потому что на нож эту подземную тварь было взять довольно проблематично – слишком уж верткая. Что касается крысишкиного игломета...

Внезапно оттуда, где топтался задержавшийся зверь, послышался какой-то странный звук – не то хрюканье, не то бульканье. Мутант как-то странно зафыркал, заворчал, а потом... чихнул. И еще раз. И еще.

Скоро крысиное чихание пополам с недовольным, а потом и жалобным визгом наполнило коридор. По звуку было слышно, как зверь отчаянно пытался продышаться, пыхтел, булькал, скулил, но все равно чихал, чихал...

– Я там травы рассыпала... – коснулся уха Востока теплый шепоток лежащей рядом Крыси. – Особые. Звери их не любят, они нюх отбивают... Подождем немного. Может, уйдет.

И точно. Буквально через несколько секунд мимо их закутка с визгом, чихом и скрежетом когтей по полу пронеслась какая-то темная туша, и вскоре звуки крысиных жалоб затихли в переплетении уже пройденных путниками ходов и лазов.

Крыся еще раз прислушалась, принялась...

– Валим отсюда! – распорядилась она и первая выползла из ниши.

Восток вылез следом, и они бросились по коридору, стремясь уйти как можно дальше.

– Он вряд ли вернется, – на бегу сообщила девушка, имея в виду зверя. – Но лучше не обольщаться.

Сталкер лишь кивнул, про себя размышляя о том, что скавены, видимо, неплохо приспособились к подземному существованию. Надо же, особые травы против крыс-мутантов... Хорошо бы узнать какие, пригодилось бы и людям!

– Крысь... – начал он, когда они после продолжительного бега перешли на шаг. – А вы крыс в пищу... употребляете?

Вопрос получился слегка неловким – все-таки скавены упомянутым крысам какие-никакие, а родственники...

– Конечно! – девушка даже слегка удивилась. – У нас и крысиные фермы есть, домашние крысы знаешь какие вкусные! Мягкие, нежные...

Она непроизвольно облизнулась, и Восток тут же некстати вспомнил, что в последний раз он ел накануне вечером. Впрочем, в рюкзаке еще оставалась кое-какая походная снедь, и пока можно не волноваться. Возможно даже, когда они пройдут опасный участок в туннеле, можно будет уговорить Крысю остановиться и перекусить... Вряд ли она откажется от еды!

Восток уже открыл рот, чтобы сделать это конструктивное предложение, но тут Крыся снова остановилась и жестом приказала заткнуться.

– Пришли... – шепнула она, указывая на неровное отверстие в стене хода, откуда ощутимо веяло свежестью и доносился тот самый неясный шум, что ощущался путниками на протяжении всего похода. Правда, сейчас он был гораздо явственнее, и Восток, наконец, узнал его.

Голос Метро, голос туннелей.

– Сейчас будет настоящий шкуродер, придется попотеть, – продолжала информировать Крыся. – А потом – туннель. Ползем тихо, как тараканы, чуть что – прикидываемся кабелями. Понятно?

Восток кивнул, забыв, что вокруг темно, однако скавены, видимо, обладали ночным зрением. Крыся удовлетворенно хмыкнула.

– Ползели... Да не так! Ногами вперед! Из шахты-то как вылезать будешь? Там же высоко, по кабелям спускаться придется!

Несколько метров поистине какой-то крысиной норы им пришлось и впрямь одолеть ползком, причем Востоку – и впрямь вперед ногами. Наконец впереди, насколько сталкер мог видеть из-за ползущей впереди Крыси с ее рюкзачком, слабо высветилось отверстие, забранное прочной литой решеткой с мелкими ячейками.

Девушка подползла к решетке, на несколько мгновений прислушалась, потом извлекла что-то из кармана. Послышался шорох, приглушенное звяканье, возня, затем Крыся аккуратно и бесшумно потянула на себя решетку, открывая путь в туннель.

– Пока погоди! – остановила она сталкера, сунувшегося было ползти за ней к выходу. – Разведать надо. И, кстати, там высокогато.

Девушка совершенно непостижимым образом извернулась, бесшумно скользнула в открывшийся люк, секунды две Восток видел ее пальцы, зацепившиеся за край, а потом они исчезли. Снаружи слышался шорох одежды по стене, а потом – звук мягкого падения: Крыся приземлилась в туннеле. Судя по всему, от люка до пола было не меньше трех метров.

– Вроде, никого... – через некоторое время услышал сталкер откуда-то снизу. – Спускайся, только тихо!

Восток прополз еще немного вперед и, наконец, свесился из люка, повиснув на руках. Огляделся, насколько ему позволяла возможность.

Ему открылась довольно привычная картина – правда, с не совсем привычного ракурса, с высоты – скупое освещенный редкими тусклыми фонарями туннель метро. В обе стороны убегали блестящие рельсы. Крыся, скорчившись, стояла на коленях, зачем-то приложив ухо к одной из рельсин.

– Давай быстрее! – вполголоса поторопила она его, поднимаясь и отряхиваясь.

Сталкер не заставил себя долго ждать и пополз вниз по стене, по-обезьяньи цепляясь за пыльные связки кабелей. Приземление прошло удачно и мягко, правда, он едва не запутался в какой-то непонятной бечевке, свисающей с решетки.

Назначение веревочки стало понятно, когда Крыся с загадочным видом потянула ее на себя. Решетка, словно дверца, закрылась, что-то тихо щелкнуло. Скавенка как-то по-особому дернула веревочку, и та, отцепившись, послушно свернулась у ног.

– Я свои ходы стараюсь никому не показывать и всегда маскирую, – пояснила девушка. – Кстати, если тебе вдруг вздумается снова пройти сюда тем же путем, что мы шли...

Восток посмотрел на нее, как на маленькую глупышку:

– Ты думаешь, я там запомнил все эти кры... аппендиксы, по которым мы лезли?

– Ну, мало ли... – пробормотала скавенка. – Мое дело предупредить... тем более что мы шли кружным путем!.. Ладно, давай двигаться, пока сюда никто не прискакал!

Она подтянула лямки рюкзака и, перебравшись через пути, ходко двинулась вдоль противоположной стены туннеля.

Идя за ней, Восток отметил, что рельсы на протяжении всего их пути были равномерно блестящими, накатанными, как будто движение по ним и не прекращалось. У крысюков что, есть дрезины? Или на чем тут они могут ездить?

– Крысь, а у вас что, здесь даже транспорт имеется? – тихонько, соблюдая режим секретности, поинтересовался он.

– Имеется, – коротко ответила девушка. – Хватит болтать, лучше под ноги и вокруг гляди и будь готов ко всему. Кстати, капюшон надвинь поглубже. И перчатки надень, у тебя руки не скавенские.

На языке у сталкера вертелась целая куча вопросов, однако он сдержался и не стал расспрашивать крысишку. Не то время. Вот покинут они опасный участок – можно будет и поговорить. А пока...

Что «пока», он додумать не успел. Впереди, там, где туннель делал поворот, вспыхнул и заметался свет нескольких приближающихся фонарей.

– Блииин!!! – зашипела Крыся. – Патруль с Отрадного!!! Быстро прячься!!!

– А ты? – произвольно задал вопрос сталкер.

– Меня знают, я – добытчик... Прячься же!!!

Восток быстро огляделся в поисках укрытия, но, как назло, вокруг были только полукруглые ребристые своды туннеля. Ни одной даже самой малюсенькой ниши, куда можно было бы втиснуться. Бежать назад?.. Прикидываться мотком кабеля?..

Взгляд его упал на так называемый лоток – глубокую колею между рельсами, но упасть туда сталкер не успел – патруль вывернул из-за поворота, и фонари осветили их с Крысей. Девушка охнула и прикрыла лицо руками.

– Стоять! – рявкнул голос. – Кто такие?!

– Ха, да это же Крыська с Петровско-Разумовской! Ее бибиревские вчера за книгами Наверх посылали! – тут же отозвался другой голос. И почти сразу фонари отвели свои слепящие лучи от лица девушки. Но тут же скрестились на высокой фигуре рядом с ней.

– Крыську я вижу, – сухо сообщил первый голос. – А вот кто это с ней – непонятно.

...Краем глаза Восток увидел, как его спутница чуть прикрыла глаза и нервно облизнула губы...

– Чужак, что ли? Эй, Крысь, ты кого это к нам притащила? – патрульные уже направили на них автоматы.

...Крыся вскользя упомянула, что патруль – со станции Отрадное, а опасный для них участок – между Отрадным и Бибирево, стало быть, они сейчас там и находятся... Причем – ближе к Отрадному...

Восток пошел ва-банк. Благо, что под мешковатой одеждой и глубоко надвинутым капюшоном трудно было разглядеть его внешность, а противогаз он давно снял и затолкал в сумку с фильтром.

– С Алтуфьева я, – подражая шипящему выговору скавенов, глухо произнес он. – Не рассчитал время. Направляюсь домой, на вашу станцию заходить не собираюсь.

– Алтуфьевский, значит?.. – с непонятной интонацией протянул командир патруля. Восток уловил в его голосе настороженность и неприязнь. Как видно, обитателей конечной станции на этом участке Серой линии не особо любили!

– А какого хрена ты здесь забыл? С каких это пор ваши добытки ходят к себе через наши туннели? – не слишком вежливо осведомился второй патрульный. Остальные, как заметил сталкер, начали ненавязчиво рассредотачиваться, заключая его и Крысю в кольцо.

Плохо...

– Это я его провела, – наконец, на счастье Востока, вмешалась Крыся. – Он меня спас там, Наверху, от паука. Мы замешкались, а уже рассвет... Ну я и повела его своими путями. Я же ему обязана, вы же понимаете...

Сталкер про себя удивился: это она его от паука спасла, а не наоборот, и еще кто кому обязан...

– В общем, так получилось, что мы так пошли.

– Добегаешься ты когда-нибудь этими «своими путями», дорогуша! – хмыкнул кто-то из патрульных.

– Но я же должна была доставить книги, – Крыся чуть повернулась, демонстрируя набитый рюкзак, – в Бибирево, они ждут... И потом, рассвет...

– Актеры погорелого театра! – засмеялся патрульный и подмигнул Крысе. – Билетик-то на представление пришлешь, Джульетта? По знакомству?

– Если мне его дадут – то непременно! – девушка улыбнулась. – Лично вручу! Только я не Джульетта, ее Лариса Макеева играет.

– А чего это твой спаситель так одет подозрительно? – вдруг поинтересовался его приятель, и улыбка Крыси увяла. – Что, алтуфьевские добытки уже начали носить шмотки, в которых «чистые» своих сталкеров Наверх гоняют?

– Это ж трофей! – тут же нашелся Восток, стараясь говорить небрежно и не забывать про выговор. – Пришел там одного Наверху пару недель назад... Между прочим, очень удобные шмотки, рекомендую!

...Пока шел этот разговор, сталкер все время ощущал на себе цепкий и неприятный взгляд командира патруля. Тот явно изучал его.

– Сними капюшон! – вдруг приказал крысюк Востоку. – И перчатки! И без глупостей!

Сталкер уловил короткий, еле слышный стон Крысы, у которой пошла псу под хвост вся ее маскировочная затея. А чуть позже и он сообразил, что им угрожало. На пальцах скавенов были когти, а не ногти, как у людей. Ну и лица их, соответственно, были не совсем человеческими.

Те, кто обступил их с Крысей, на взгляд Востока, внешне не особо сильно отличались от людей. Но тем не менее налет некой *нечеловеческости* был на всех лицах. Особенно у тех, кто был помоложе возрастом, как Крыся. Видимо, крысиные черты более явственно начали проявляться только у тех поколений, что рождались во время и после эпидемии.

– Может, разойдемся миром, а, командир? – прошипел Восток, подпустив в голос некоторой зловещей предупредительности. – Я спешу, а нашим вряд ли понравится, что меня тут задержали!..

– Сними капюшон и перчатки! – жестко повторил командир, играя пальцем на спусковом крючке автомата. – Третий раз повторять не буду!

Восток медленно вздохнул и столь же медленно взялся за перчатку, в которую уже скрытно скользнул из рукава один из ножей. Верный автомат оставался за спиной, да ему бы и не позволили до него даже дотянуться.

«... их четверо, значит, снять я успею только одного... Остальные тут же выстрелят... Крыську бы убрать с дороги, убьют ведь...»

Краем сознания он даже удивился, что беспокоится за жизнь соплеменницы окруживших его вражеских воинов.

Но все-таки ситуация продолжала оставаться аховой. И выхода из нее что-то не виделось.

– Ладно, хрен с вами, проходите! – неожиданно приказал командир и дал знак своим посторониться. Те удивились, но повиновались.

Крыся и Восток медленно, стараясь не показывать, что нервничают, прошли в образовавшийся коридор.

И тут, когда они уже отошли шагов на десять, что-то резко свистнуло в воздухе, и Восток почувствовал, как нечто длинное и гибкое молниеносно обвил его ноги, опутало так, что, сделав по инерции шаг, сталкер понял, что падает лицом в землю. Он схватился было за автомат, намереваясь пустить его в дело, но раздался новый свист, и руки его спутала, примотав к телу, какая-то странная веревка с грузами на концах.

«Боло...» – откуда-то из глубин памяти всплыло прочитанное когда-то название, и сталкер беспомощно рухнул на сырой пол туннеля, едва сумев в последний миг повернуться боком.

Рядом жалобно вскрикнула, падая, Крыся, пойманная таким же нехитрым снарядом.

К ним тут же подскочили двое патрульных и проворно сдернули с Востока капюшон и перчатки.

– Человек!!!

– Шпион!!!

Два выкрика слились в один, патруль тут же ошетинился в сторону сталкера стволами.

– Не-е-е-ет!!! – отчаянно закричала Крыся, извиваясь в своих путах.

– Молчать! – рявкнул командир и пнул ее ногой (к счастью, пинок пришелся по рюкзаку). – Тварь! Протащила к нам человечьего лазутчика! Ах ты сучка! Предательница!

– Неправда!!! – кричала девушка, беспомощно барахтаясь на земле и стараясь закрыться от новых ударов. – Неправда!

– Не тронь ее! – вмешался Восток. – Она не знала, кто я!

Крысюк бешено обернулся в его сторону.

– А это мы еще выясним, кто что знает и кто чего не знает! Микшер!.. – вперед выскочил молодой скавен. – Вызывай дрезину и сообщи на станцию и в Бибирево – у нас ЧП!

Пленников сноровисто разоружили, обыскали, у Востока отобрали все, что при нем было, – даже испорченный противогаз, приказали снять защитный комбинезон, куртку и бронежилет. Сталкер молча подчинился, оставшись в потрепанных пятнистых брюках, футболке и ботинках. После этого на обоих надели наручники, поставили на колени и приставили охрану.

Сидя на пятках у бетонной стены туннеля, сталкер старался не думать о том, что с ними сделают обозленные крысюки. Ну его – ясен пень – прикончат после изматывающих допросов и пыток (ну а как же – человеческий шпион ведь!), а Крысю...

Он ощутил странный, тревожащий холодок, когда подумал об участи, ожидающей скавенку за то, что она пыталась проводить его до людской части метро. «Предательница!» – крикнул ей патрульный. Да уж, как ни крути, но для своих Крыся теперь – предательница. А если крысюки недалеко ушли в развитии от людей – кара за предательство будет крайне жестокая. И кому какое дело, что девушка поступила... по-человечески?..

То есть, помогла ему, заведомому врагу, спасла его от двух чудовищ и от смерти под радиоактивным солнцем, проявила милосердие и благородство...

И теперь ее за это казнят!

«Но это же неправильно!!!.. Несправедливо!!!»

Сталкер посмотрел на сидящую рядом скавенку. У той был настолько убитый вид, что у него в груди защемило. Целая цепь событий привела их сюда, в плен к ее соплеменникам, но Восток почему-то ощущал, что виноват в их несчастье именно он, – пусть даже она и сама предложила проводить его до Медведкова.

– Крысь... – тихо позвал он. – Крысь...

Девушка медленно повернула к нему белое заплаканное лицо. Губы ее дрожали, в глазах был ужас.

– Это я виноват, что мы попались. Я не прошу простить меня. Но скажи, есть ли надежда вытащить хотя бы тебя?

– Нет... – еле слышно прошелестела скавенка. – Наши законы суровы... Нас казнят...

Восток стиснул зубы: ему не понравилась отрешенная покорность в голосе девушки. Как будто она уже поставила на себе крест, а между тем, они оба еще были живы и могли бороться! Могли попытаться спасти свои жизни!

– Крысь... Не сдавайся! Я что-нибудь придумаю, слышишь? Мы выкарабкаемся! Обязаны...

– А ну, прекратить разговоры! – рявкнул охранник и ощутимо пнул сталкера по скованным за спиной рукам. – Еще слово – и останешься без зубов! И ты, гадина, тоже заткнись! – пригрозил он Крысе.

Это был тот самый патрульный, что выпрашивал у нее билетик на какое-то представление, назвав при этом девушку Джульеттой.

«У них тут что – и театр есть?! Шекспир, представления, билеты... Охренеть...» – мельком поразился нехотелой мысли Восток, но развить ее не успел – послышался стук колес, визг тормозов, и к месту их пленения подлетела дрезина. Через пару минут с противоположной стороны принеслась вторая.

Вот вам и дикие мутанты!..

Восток даже пожалел, что не сможет остаться здесь подольше, чтобы ближе познакомиться с жизнью скавенов, с их достижениями... Чтобы как-то попытаться расположить к себе этот народ...

«Будут тебе и знакомство, и достижения!.. – ехидно пообещал внутренний голос. – Испытаешь на себе в полной мере!»

После короткого, но бурного совещания пленников погрузили на дрезину и повезли в том направлении, в котором они шли.

В Бибирево.

Глава 7

Грязный шпион и подлая предательница

Несмотря на маячившие перед ними крайне незавидные перспективы, Восток все же позволил себе бросить несколько осторожных взглядов на открывшееся ему доселе недоступное людям зрелище – скавенскую станцию.

Дрезина привезла пленников к въезду на станцию и «припарковалась» у низенького узкого мостика вдоль стены туннеля. Мостик переходил в ступеньки, ведущие на крепкий помост, которым (видимо, для расширения платформы) был полностью, до следующего въезда в туннель, забран путь. С другого края была устроена такая же конструкция. С той разницей, что из соседнего туннеля на станцию высовывался нос поезда.

Как гораздо позже узнал сталкер, помосты состояли из секций, которые, в случае опасности (чаще всего – атаки со стороны разбойного Алтуфьева), поднимались с помощью ручных лебедок, образуя некое подобие крепостных стен, ограждавших жилое пространство станции. Перегоны с Алтуфьевской стороны также перекрывались сваренными и склепанными из вагонных останков и железной арматуры створками. Таким образом в случае опасности Бибирево превращалось в довольно хорошо укрепленный пограничный форпост, способный выдержать долгую осаду до подхода союзных сил с остальных станций.

Но пока что этого Восток не знал. Он рассматривал интерьер станции и ее обитателей, сбежавшихся со всех сторон, чуть только стало известно, что в перегоне поймали человеческого лазутчика и помогавшую ему предательницу-скавенку.

Вид станции особых сюрпризов (исключая расширенную платформу) не преподнес. Те же палатки, навесы и дощато-металлические хибарки, каких Восток насмотрелся и в своей части Метро на периферийных станциях. А вот сами жители Бибирева... удивили.

Отправляясь в рейд и готовясь к возможной встрече с крысюками, Восток ожидал, что ему встретятся по меньшей мере чуть ли не прямоходящие и говорящие крысы в людской одежде и вполне обычного для людей роста.

Говорящих крыс он не увидел. Более того – некоторых обитателей Бибирева хоть и с некоторой натяжкой, но вполне можно было принять за людей. В основном это были скавены довольно почтенного или просто пожилого возраста, и их были – по сравнению с другими возрастными группами – считанные единицы. Скорее всего, они принадлежали к первому поколению, пережившему Удар, нашествие крыс и прочие беды, последовательно обрушившиеся на этот многострадальный участок Метро.

Но были и те, кто внешне отличался от людей. И, как отметил про себя Восток, чем моложе был скавен, тем менее его облик сохранял человеческие черты. Взгляд цеплялся за лица разной, так сказать, степени мутированности. Впрочем, и среди молодых скавенов встречались вполне привычные взгляду и даже симпатичные типажи вроде Крыси. Восток не особо разбирался в вопросах генетики (а если честно – то совсем не разбирался), но для себя решил, что причины такой разнородности могли крыться в изначально разной наследственности тех, кто двадцать лет назад укрылся здесь от атомного хаоса. То есть те, у кого была сильная сопротивляемость организма, а человеческий геном оказался, невзирая на все отягчающие факторы, сильнее крысиного, – те смогли сохранить хоть какое-то внешнее сходство с людьми. И возможно даже передать его потомкам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.